

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ДОРОГА
ВО МГЛЕ

Шенн
Мур

Свадьба
сердца и
клинки против
черной
магии

Шон Мур

Проклятье шамана

Scan, OCR&Spelcheck AlexMal

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158434

Оригинал: SeanMoore, "Conan and the Shaman's Curse"

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	39
ГЛАВА 5	61
ГЛАВА 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Шон Мур

Проклятье шамана

ГЛАВА 1

КРАСНЫЙ ТУМАН

Стая стервятников жадно кружила над каменистым побережьем, крича от нетерпения. Запах крови наполнял сырой воздух зарийской степи, привлекая все новых и новых хищников. Тысячи человеческих тел устилали берег, словно чудовищный ковер, вышитый красной и черной нитью. Многие из павших все еще сжимали свои мечи застывшими пальцами, другие, со спутанными волосами, лежали в обнимку под трупами своих врагов. Повсюду валялись помятые доспехи, затупившиеся клинки и надломанные копья. Жуткая картина безмолвно писала еще одну страницу истории племенной вражды.

Но не всем суждено было пасть в этой беспощадной бойне: вот почему хищные птицы до сих пор не решались закатить свой кровавый пир. Четырнадцать измученных мужчин в желтых, перепачканных кровью робах – четырнадцать лучших воинов какланийского племени – сумели выжить. Позади них, опираясь на короткую деревянную трость, тяжело

хромая, плелся белобородый старик.

Тяжело дыша, спотыкаясь о трупы своих товарищей, группа медленно продвигалась вперед, к небольшой возвышенности, где стоял один-единственный человек. Этот человек стоял во весь свой могучий рост, широко расставив ноги, и со спокойствием льва наблюдал приближение людей, жаждущих его смерти. Длинные черные волосы падали на плечи из-под помятого и сидевшего немного набекрень шлема. Могучую грудь прикрывала тяжелая кольчуга на кожаной подкладке. На руках вздувались узловатые стальные мышцы. Пальцы правой руки крепко сжимали рукоять тяжелого длинного меча. На гранях клинка играли отблески клонящегося к закату солнца. Глаза его сверкали подобно голубым льдам горных вершин. Злобный оскал выставлял напоказ ровный ряд белых зубов.

Звали воина Конан. Его родиной была Киммерия – страна снегов и неприступных скал, расположенная так далеко на севере, что здесь, на южном побережье Хайбории, мало кто даже слышал о ней. Жители Киммерии, закаленные постоянными лишениями и испытаниями, были столь же суровы, что и их родина. В сражениях киммерийцы никогда не продавали себя дешево, и здесь Конан не был исключением. У его ног сейчас возвышалась гора мертвых дикарей, которым не посчастливилось познакомиться с его беспощадным мечом. Но еще глубже, под телами своих врагов, покоились заририйцы – друзья Конана, что недавно еще сражались с ним

плечом к плечу.

Именно заририйцы-то и втянули Конана и его людей в эту заваруху. Кровавая сеча развернулась сначала у подножья Золотых Гор, но к вечеру она переместилась аж до самого побережья. И здесь, на берегу, последний заририец пал вместе с последним бойцом из наемной армии.

Еще с восходом солнца Конан обнажил меч, и с тех пор у него не было ни минуты передышки. А сейчас диск светила медленно погружался в океан на далеком западном горизонте. Но киммериец не выказывал ни малейшего признака усталости. Он вытянул свой меч вперед, зная, что будет драться до последнего.

Тем временем четырнадцать дикарей окружили его со всех сторон. Чувствуя, что победа уже не за горами, с лицами, искаженными злорадной гримасой, они с каждым шагом подбирались все ближе. Четырнадцать кривых сабель, как стальные клыки, тянулись к жертве, готовые сомкнуться в любую минуту.

– Заририйский шакал! – Один из дикарей был уже совсем близко, он остановился и нагло плюнул Конану под ноги. – Считай себя мертвым! Сейчас я вырежу твою печень.

С этими словами какланиец сделал стремительный выпад, метя острым клинком в широкую грудь своего противника. Но Конан был быстрее, он молниеносно парировал атаку, с плеча ударив по руке наглеца. Обрубок кисти упал на землю, так и не успев выпустить своего оружия. В то же мгновение

Конан с криком всадил свой меч орущему дикарю меж ребер. Тот пал ниц и стих.

Не теряя ни минуты, киммериец обрушился на первого попавшегося противника и одним ударом расколол его череп от макушки до челюсти. Дикарь превратился в фонтан из крови, приводя в жуткое оцепенение своих соплеменников. Конан воспользовался коротким замешательством, чтобы прорвать кольцо. Теперь путь был открыт, но Конан отогнал от себя мысль о бегстве. Он помнил, что поклялся отомстить за товарищей. С кличем, сотрясающим воздух, киммериец бросился навстречу двенадцати обнаженным клинкам.

С каждым взмахом меча визжащие от боли дикари падали на землю. Конечно, и Конану приходилось не сладко: десятки ударов сыпались на его плечи и грудь, но стальная кольчуга надежно защищала от острых клинков и кривых сабель. Звон железа и запах крови возбудили варвара до предела, наполняя голову огнем и пуская сердце в бешеный скач. Он дрался с беспощадной яростью до тех пор, пока последний какланиец не упал на колени, держась за распоротый живот и с ужасом глядя на собственные внутренности. С отвращением Конан наблюдал за последними судорогами своего врага.

И вдруг наступила тишина. Солнце почти скрылось за горизонтом, и в сумерках картина отшумевшей битвы казалась еще более зловещей. Конан огляделся вокруг. Только один-единственный какланиец оставался в живых – тщедушный

седобородый старец. Задыхаясь от кашля, старик силился встать, тяжело опираясь на деревянный посох, украшенный затейливой резьбой. Наконец это ему удалось, и он, покачиваясь, медленно двинулся на Конана. Кровь сочилась из его рваного бока, а изрубленная нога бесчувственно волочилась под неестественным углом. Тощее тело представляло собой одну сплошную мозаику из разноцветных татуировок. Таким же фантастическим узором, видимо для придания облику художественной завершенности, был покрыт сморщенный лысый череп старца. Застывшая кровь образовала корку и закрывала одну половину морщинистого лица. Конан, которому доводилось слышать об иранистанских племенах, сразу смекнул, что имеет дело с какланийским шаманом.

Вообще-то киммериец побаивался таких людей. Лучше уж встретиться с десятком врагов в открытом бою, чем сражаться с чарами колдуна. Но он так устал махать мечом, да и не в его правилах было убивать безоружного старика, который, кстати, и так вот-вот должен был отдать концы. Как бы то ни было, варвар опустил меч и беззлобно сказал:

– Ступай с миром, старец. Я не причиню тебе вреда.

Шаман перенес вес на здоровую ногу и поднял свой посох, будто хотел швырнуть его в ненавистного врага. Киммериец чуть отступил назад, и старик, потеряв равновесие, рухнул на одно колено. С ненавистью глядя на Конана, колдун двумя руками ухватился за концы своей палки и начал ее гнуть, стараясь сломать посередине. Непонятные хрип-

лые заклинания, вырвавшиеся из уст колдуна, словно придали сил старцу, и... к изумлению Конана, посох действительно раскололся на две половины, выпуская облако красного дыма. Это облако окутало киммерийца, будто густой туман, мешая дышать и видеть. Хриплое бормотание шамана перешло на пронзительный визг; старик торопился, будто предчувствовал близкий конец. Потом он неожиданно смолк и тут же упал замертво.

Конан размахивал руками с таким усердием, как если бы отгонял тучу диких пчел, но красное облако вокруг него сгущалось все плотнее, нестерпимо жгло глаза и наполняло голову такой болью, что Конану казалось, будто тысяча стальных игл пронзила его череп. Он жадно ловил ртом воздух, но вдыхал лишь один сладковатый туман. Задышавшись, он судорожно схватился за горло, проклиная тяжелую кольчугу, сдавившую грудь. И тут вдруг перед глазами все поплыло, непослушные мысли кувыркались и путались, уносимые неведомым течением. Это было последним, что он успел запомнить, прежде чем погрузиться в крошечную мглу.

ГЛАВА 2

УТРО ПОСЛЕ БОЯ

Конан продирался сквозь чащу знойных джунглей, задыхаясь от долгой погони. Он не помнил, за кем гнался, однако жертва его была быстра и неуловима. Киммериец был гол и безоружен, но этот факт почему-то его несколько не смущал. Выскочив на поляну, он задрал голову кверху и увидел луну, заполнившую ночное небо. Бледное светило смотрело на землю, словно жуткий горящий глаз, от взгляда которого рассудок варвара окончательно помутился, и он снова ринулся в джунгли, ощущая прилив странной энергии.

Запах жертвы наполнил его ноздри. Брызгая слюной, Конан жадно бросился к четвероногой твари, чувствуя ее страх. Красный туман плыл перед глазами, заставляя кровь в венах вскипеть. Прорвавшись сквозь стену густой растительности, Конан снова выбрался на просвет и оглядел себя с ног до головы. Увиденное заставило его содрогнуться: грубая белая шерсть на глазах прорастала из его рук, а из уродливых пальцев прорезались острые черные когти.

Прыгнув вперед, он вцепился этими когтями в горло скулящему животному и начал рвать его плоть.

Конан проснулся от собственного крика. Он вскочил на ноги, стряхивая с лица обильные капли пота и жмурясь на

яркий иранистанский восход. Киммериец инстинктивно выхватил меч, прежде чем успел понять, что видел кошмарный сон. Выдернув левую ступню из-под окоченевшего трупа, он с отвращением отпрянул назад, чуть не запнувшись об оторванную ногу. Куда ни ступи, повсюду вокруг него валялись мертвые изуродованные тела. Наконец ему удалось найти клочок голой земли, где он мог спокойно постоять, позволяя глазам привыкнуть к дневному свету, а сердцу обрести обычный ритм. На море начался прилив, и прибой печально омывал тела, разбросанные вдоль берега.

Наутро после сражения большинство мужчин едва передвигало ноги – чего нельзя было сказать о Конане.

Его выносливость была выносливостью волка, а сила – силой льва. Киммерийцу доводилось участвовать в таких походах, где сражения велись от зари до заката, неделями без передышки при скудных запасах воды и пищи. Эта же битва длилась только один кровавый день.

Конан осторожно потрогал здоровенную шишку на голове и попытался стряхнуть остатки странного сна. Никакой ночной кошмар не мог сравниться с адской картиной, что раскинулась сейчас перед ним. Тошнотворное зрелище вывернуло бы наизнанку желудки многих бывалых вояк. Однако киммериец давно научился переносить вид и запах смерти. Ему было около тридцати лет от роду, но уже к своему восемнадцатилетию он успел пройти через столько войн, сколько другие мужчины не видели за всю свою жизнь.

И сейчас глаза и нос варвара отмечали характерные детали племенной розни. Конан считал недостойным мужчины совершать надругательства над телом мертвеца. Дикари же, казалось, наоборот, испытывали огромное удовлетворение, разбрасывая по ветру останки изрубленного на куски врага. Эти останки, пригретые первыми лучами солнца, начинали теперь омерзительно смердеть.

Восходящее солнце приятно ласкало тело, но не в состоянии было растопить ледяную тоску, что поселилась в сердце. Жестоко проклиная обстоятельства, вовлекшие его в эту бессмысленную бойню, Конан снова и снова предавался горьким воспоминаниям. Еще неделю назад он был исполнен решимости добраться до туранских степей и вместе со своими вольнонаемниками присоединиться к армии Аршака, нового короля Иранистана.

Его люди были гирканийцами, прирожденными воинами, жадными до золота и славы. Путь их лежал через заририйские земли, правил которыми шейх Джерал. Джерал был слишком хорошо наслышан о подвигах киммерийца, чтобы упустить возможность познакомиться с ним лично. В один из вечеров он пригласил Конана в свой шатер, где за чашей крепкого вина поведал варвару о вопиющей дерзости близлежащих какланийских племен. Примеры возмутительного поведения соседей были столь красочны, что даже далеко не сентиментальный киммериец мог только охать да разводить руками. Джерал же, искусно играя на рыцарских чувствах

негодующего киммерийца, умолял его выступить вместе с ним и положить конец беспределу кочевников.

Сначала Конан упорно отмахивался от предложений шейха, верный своему намерению поступить на службу к иранистанскому королю. Но в течение долгого ужина Джерал вновь и вновь наполнял кубок гостя вином, а уши лестью, не скупясь на обещания высоких наград. Скромно одетые, но достаточно темпераментные девушки весь вечер носили изысканные блюда и напитки. Наконец Джерал позволил Конану выбрать одну из его лучших танцовщиц. И когда могучие руки киммерийца сомкнулись на стройной девичьей талии, шейх сделал свое заключительное предложение: половина трофеев в случае победы переходила к Конану и его армии. Кроме того, он пообещал еще лично вознаградить варвара.

И Конан принял роковое решение, в чем теперь глубоко раскаивался. Численностью какланийцы в два раза превосходили своего атакующего противника и сразу же заставили его отступать. Конан вынужден был драться или умереть. В какой-то момент он даже помышлял о бегстве, но верные ему люди гибли теперь по его вине, и он не мог их оставить. Они дрались как львы и, отправляясь в преисподнюю, не забывали прихватить с собой нескольких дикарей. До последнего человека они стояли рядом с Конаном. До последнего человека они сложили здесь свои головы.

Выругавшись, Конан прогнал навязчивые воспоминания.

Прямо напротив него нахальная птица методично перебиралась от трупa к трупy, выклеывая только самые деликатные места. Тихий шелест приборя неестественно гармонировал с хлопаньем крыльев и щелканьем клювов.

Ничего не скажешь, обстановка вряд ли могла поднять и без того мерзкое настроение.

Конан бросил унылый взгляд на море, взвешивая свои немногочисленные возможности. Редкие клочья облаков неподвижно повисли в безветренном небе. Вдали виднелось темное пятнышко, имевшее форму расплывчатого креста, что на самом деле могло оказаться кораблем. Киммериец напряг свое острое зрение. Да, несомненно, это был корабль. Попад в утренний штиль, он со спущенными парусами беспомощно покачивался на сверкающей водной глади. Кона-ну почудилось, что он слышит манящий зов океана, чувствует его могучее дыхание. Ему вдруг нестерпимо захотелось вновь оказаться средь бескрайних морских просторов. Но холодный рассудок безжалостно рушил фантазии. Что ни говори, а на твердой земле у него было больше шансов выжить.

Кроме того, его ждала еще нелегкая работенка. Конан лениво зевнул, скользя взглядом по побережью. Он не чувствовал себя отдохнувшим, хотя и проспал всю ночь. Он почесал зудящий затылок, тщетно пытаясь вспомнить того наглеца, что посадил ему шишку. Обычно схватка настолько увлекала азартного киммерийца, что он не замечал даже крупных ран, не говоря уж о синяках и царапинах, пока наутро они не

заявляли о себе все разом. Наверняка ночной кошмар был следствием полученного сотрясения.

Конан глубоко вздохнул: задача, которую он перед собой поставил, не вызывала энтузиазма.

Он начал кропотливо отыскивать трупы своих людей, складывая их вместе с оружием поверх кучи сухих веток, которая вскоре должна была превратиться в гигантский погребальный костер: именно так хоронили гирканийцев на их далекой родине. Своей преданностью и храбростью они заслужили могилу более достойную, чем животы стервятников.

Вот уже несколько часов Конан продолжал откапывать своих мертвецов. Он наконец перестал терзаться чувством вины: его люди пошли в бой по своей воле и пали с честью, он за них отомстил. Но легче от таких мыслей не становилось. Киммериец как раз вытаскивал из воды последнего воина, когда заметил, что губы того шевелятся. Это был Ари, его первый помощник.

Глаза Ари были закрыты. Конан склонился над ним и принялся тормошить, пытаясь привести в чувство, и вдруг... с отвращением отпрянул. Движение губ покойника исходило от небольшого краба, уютно обосновавшегося во рту. Тварь, по всей видимости, забралась туда в поисках самого нежного мяса. Конан брезгливо смахнул маленького падальщика острием меча, заметив сырой розовый лоскутик, зажатый в клешне.

...Это все, что осталось от Арино языка.

Тело гирканийца он закинул на самый верх кучи, насчитывавшей теперь более двухсот человек. Плечи варвара немилосердно стонали, а сам он едва переводил дыхание. Дневная жара окончательно сразила разбитое тело. Зевнув, он немного помедлил, оценивая проделанную работу. Затем побрел в сторону лагеря, что лежал в миле отсюда. Там он надеялся утолить жажду доброй чашей вина, выбрать быстрого коня и насобирать хвороста для растопки.

А главное – отыскать то, что Джерал так тщательно прятал в ночь перед походом. Варвар видел, как пройдоха шейх оседлал среди ночи коня и поскакал к близлежащим холмам. Любопытства ради Конан устремился следом и стал свидетелем занимательной сцены: шейх, по-воровски озираясь, проворно стащил со спины жеребца громоздкий сундук и закопал под засохшим деревом. Запомнив ориентир, варвар незамеченным возвратился в лагерь.

Через час Конан уже был в седле, Несясь галопом к знакомым холмам. Он без труда отыскал приметное дерево и выкопал деревянный сундук внушительного размера. Предчувствие не обмануло: сундук был доверху набит золотом. Предусмотрительный шейх решил припрятать заначку на случай, если кочевники одержат верх. Еще бы, удирать с груженым сундуком на плече было бы не очень-то удобно.

Закрепив сокровище на спине жеребца, Конан задержался еще ненадолго, чтобы собрать хворосту, затем отправился обратно на побережье.

Сейчас, размышлял варвар, он запалит костер и вскоре будет далеко-далеко от этого мрачного места. Он уже решил, куда поедет. Ближайшим портовым городом был Денижкенар. С золотом Джерала он мог прожить много месяцев, ни в чем не нуждаясь. А сладкое вино и жаркие красавицы помогли бы забыть о потерянной армии. Удовольствия городской жизни! Он так долго их лишился. Ну неужели он не заслужил короткого отдыха?

Вернувшись к погребальному костру, Конан запалил растопку и подождал, пока толстые сучья займутся огнем. Едкий дым клубясь взвился к небу. «Ну вот и все», — подумал варвар, запрыгивая на коня. Он направил скакуна вдоль берега и... чуть не вывалился из седла от изумления: сотня всадников неслась во весь опор прямо на него.

— Кром! — выругался киммериец, разворачивая жеребца и глубоко зарывая шпоры в бока животного.

На головах преследователей развевались пестрые отличительные повязки, что свидетельствовало об их принадлежности к племени башкар, восточного союзника каккланийцев. Подмога пришла поздно, но Конан знал, что дикари будут искать мести. Через минуту они уже поравнялись с костром, который к этому времени превратился в гигантский пожар; языки пламени жадно рвались к небу, не уступая по яркости самому солнцу.

Конан оглянулся через плечо. Похоже, кочевники были решительно настроены. Они выхватили свои ятаганы и зло-

веще размахивали ими, словно в ритуальном танце. Расстояние, отделявшее их от жертвы, неумолимо сокращалось.

Конан скакал в сторону Золотых Гор, надеясь спрятаться в одной из многочисленных расщелин. Кроме того, узкие горные тропинки стали бы серьезной помехой для такого скопления всадников. Желтая косынка варвара развевалась на ветру, выдавая в нем союзника заририйцев. Однако Конан не спешил расстаться с предательским головным убором, сомневаясь, что это заметно облегчит его участь.

Как назло, лошадь замедлила ход, перегруженная двойным весом всадника и сундука. Стук копыт позади раздавался все громче.

– Кром! – Проезжая меж скал, Конан неожиданно заметил группу лучников, притаившихся в засаде. Их дрожащие от напряжения стрелы готовы были сорваться в любую минуту.

Варвар резко натянул поводья и развернул коня на юг, за мгновение до того, как лучники выпустили свой смертоносный шторм. Туча стрел, гудящая, как стая саранчи, на какой-то миг затмила небесный свет. Две-три из них отскочили от стальной кольчуги, еще несколько впились в бок жеребца. Обезумев от боли, конь взвился на дыбы, едва не сбросив седока наземь.

Итак, путь в ущелье был отрезан. Не дожидаясь нового залпа, Конан устремился вниз по склону горы, который плавно переходил в берег. То есть в тупик!

Сотня всадников распределилась полукругом, не остав-

для никаких шансов на спасение.

Конан попытался оценить свое незавидное положение. Поистине судьба предлагала ему небогатый выбор: остановить лошадь и ждать, пока дикари набросятся на него всем скопом, повернуть назад и попытаться прорвать кольцо или... плыть к спасению! Из своего пиратского прошлого он знал, что вендийские купцы совершают частые рейсы вдоль южного побережья, ведя бойкую торговлю с местными племенами и населением Жемчужных островов.

Окидывая взглядом горизонт, он заметил нечто, напоминавшее по форме галеру. Она была достаточно далеко, но тихое море предоставляло шанс выжить, которого не было бы вовсе, останься он на берегу.

Конан на скаку спрыгнул с коня, срывая с себя кольчугу. Желтую заририйскую косынку он ловко превратил в котомку и, доверху набив ее золотом, привязал к поясу. После короткого размышления он вонзил меч в ножны и также закрепил на боку. Затем, набрав в легкие побольше воздуха, ким-мериец нырнул в теплую голубую воду.

Крики башкар пронзили его слух, когда он вынырнул на поверхность, лихорадочно сражаясь с прибоем. Усилием воли Конан поборол соблазн отделаться от тяжелой ноши: мешочек с золотом мог весьма пригодиться при посадке на корабль... если, конечно, ему суждено было доплыть до далекого судна!

Между тем дикари вовсе не собирались так просто отпус-

кать свою добычу. Безбожно ругаясь, обманутые преследователи сбрасывали с себя одежду и прыгали в воду с кинжалами в зубах. Через минуту к ним подоспели лучники, выпуская град стрел. Киммериец искренне благодарил судьбу за то, что башкары были худшими лучниками во всем Иранистане, не то плавать бы ему сейчас кверху брюхом, как загарпуненному карасю.

– Свинья заририйская! – кричали они с берега. – Чтоб твои кости обглодали рыбы!

Конан с удовольствием посмеялся бы над беспомощными недотепами, но должен был беречь дыхание. Он заплыл достаточно далеко, чтобы не бояться стрел, однако дюжина дикарей по-прежнему его преследовала. Отягощенный своей ношей, он чувствовал, что теряет скорость, башкары же плыли в пределах броска кинжала и с каждым взмахом волосатых рук становились все ближе.

ГЛАВА 3

НА БОРТУ «МИСТРИСС»

Конан прибавил темп, задействовав последний резерв иссякающих сил. Груз, что болтался у него на поясе, давно бы отправил на дно человека менее выносливого. Однако, загребая могучими руками, северянин умудрялся передвигаться со скоростью, которой могли позавидовать многие морские твари.

Ритмично дыша, варвар проворно чередовал движения рук и ног, используя даже самую крохотную мышцу своего тела для достижения максимальной скорости. Когда то, к чему он стремился, обрело очертания корабля, Конан смахнул с лица мокрые волосы и оглянулся назад.

Большинство преследователей, более привычных к седлам, чем к морю, отказались от погони. Некоторые из них едва шлепали руками, слишком обессиленные, чтобы плыть обратно. Их соплеменники, оставшиеся на берегу, казались теперь мелкими жуками.

– Собаки! – крикнул им киммериец.

В это обращение варвар вложил столько чувств, что даже сбился с дыхания. Конан позволил себе минутную передышку, прежде чем вновь отправиться в путь.

Вскоре он оказался настолько близок к судну, что мог изу-

чить его в деталях. Это была широкая галера с высокой кормой и оформленная в стиле, обычном для вендийских кораблей.

Судно размещало двадцать гребцов, по десять на каждом борту, но его хозяин, по-видимому, не очень-то любил тратиться на батраков, и поэтому за работой Конан видел только десятерых. Никаких знаков отличия заметно не было. Но от опытного глаза киммерийца не ускользнули детали, говорящие о принадлежности судна к грузовому флоту Вендии. Галера также была снабжена парусом, от которого, впрочем, сейчас было мало толку.

Конан потянул воздух. Нет, судно не было невольничьим. Такие суда всегда имели характерный запах, который варвар узнавал безошибочно. Свободный корабль, страдающий к тому же явной нехваткой гребцов, мог подобрать Конана. Уж кто-кто, а киммериец-то умел обращаться с веслом. Да и, пожалуй, лучше оплатить проезд потом, чем золотом.

Кроме того, сильный мужчина, хорошо управляющийся с мечом, мог оказаться весьма полезен. Капитаны маленьких торговых судов жили в постоянном страхе, рискуя в любую минуту стать жертвой разбойного нападения. Конан вспомнил, как не так уж давно сам охотился на такие вот суденышки. Его тогдашнюю напарницу звали Бэлит. Это была удивительная женщина – прекрасная и беспощадная в равной степени. Ее остроносая «Тигрица» с восьмьюдесятью гребцами на борту в два счета расправилась бы с таким корытом.

Романтичные воспоминания о годах, проведенных с Бэлит, нахлынули на варвара, словно ливень. В течение нескольких лет лихая парочка не давала житья стигийским купцам. А частые набеги пиратов приводили в ужас население прибрежных городов.

И надо сказать, киммериец никогда не встречал второй такой женщины. У них было так много общего! Так же, как Конан, она обожала странствия, так же, как Конан, была беспощадна к врагам... и так же горячо умела любить. Среди множества женщин, когда-либо деливших с ним ложе, было немало красавиц, но вряд ли хоть одна из них могла сравниться с Бэлит. Любовный аппетит шемитской разбойницы поистине не знал границ, а кровавые баталии только разжигали пламенную страсть. Всякую ночь после очередного набега она превращалась в фонтан необузданных чувств, вызывая у варвара столь же сильное ответное влечение. В объятиях киммерийца она была словно дикая лесная кошка – такая же хищная и нежная одновременно. Иногда влюбленные оказывались настолько увлечены друг другом, что не замечали, как закат сменялся рассветом. Неуемную жажду любви шемитки могла превзойти разве что ее страсть к наживе. Именно из-за ее безумной алчности они в конце концов и расстались. Конан тосковал по своей пиратской принцессе и замечал, что невольно избегает моря с того самого дня, как потерял возлюбленную. Разбойная жизнь с тех пор утратила для него всякий интерес...

Лицо киммерийца напряглось и застыло, словно каменная маска. Сейчас не время было предаваться воспоминаниям. Несколько башкар с ослиным терпением продолжали его преследовать, а Конан пока вовсе не собирался встретиться с Бэлит в аду.

Оглянувшись назад, он увидел только троих дикарей, претендовавших на первенство в заплыве. По мере того как они стремительно сокращали разрыв на дистанции, варвар все отчетливее замечал зловещий блеск кинжалов, зажатых в зубах.

Пожалуй, теперь он бы мог с ними сразиться. Своим упорством дикари давно заслуживали высокой чести умереть от меча киммерийца. Эх, будь он на суше, не задумываясь снес бы тупицам головы. Однако махать тяжелым мечом, находясь в свободном плавании, представлялось нелегкой задачей. Не говоря уж о том, что тяжелый мешок безжалостно тянул на дно. Конечно, он знал, что при необходимости избавится от золота, однако сейчас, когда он был так близок к цели, это казалось особенно досадной потерей.

Неожиданное движение справа привлекло внимание киммерийца. Этого еще не хватало! Сверкая чешуей под прозрачной водной гладью, в каких-то нескольких футах от него скользило длинное серебристое тело. Барракуда!

Работая одними ногами, Конан выхватил меч и выставил его навстречу хищнику. Еще мгновение – и тварь заживо проглотила бы варвара.

Удар пришелся точно в цель. Проломив хребет, клинок проник глубоко в кость и застрял по самую рукоятку. Бьющаяся в агонии рыба тряхнула Конана с такой силой, что чуть не вырвала его руки из суставов. Конан всем телом налег на эфес, тщетно пытаясь высвободить клинок. Обезумев от боли, барракуда рванулась вперед, больно хлестнув Конана плавником. Казалось, смертельная рана не только не ослабила чудовище, но даже, наоборот, придала ему дьявольских сил. Движимая природным инстинктом, барракуда устремилась на дно, увлекая варвара вслед за собой. Конан едва успел сделать глубокий вдох, прежде чем волны сомкнулись над его головой. Он обеими ногами уперся в скользкую спину зверюги и принялся что было сил тянуть за рукоять меча. Стоило ему теперь выпустить клинок, как барракуда тут же развернулась бы в новой атаке.

Человек и рыба сцепились в смертельном поединке. При чем время работало против варвара. Конан мучительно боролся с желанием выдохнуть спертый воздух. Лишенная кислорода кровь бешено пульсировала в висках, вызывая острое головокружение. Конан лихорадочно дергал клинок из стороны в сторону, в то время как строптивая тварь вихрем несла своего седока сквозь толщу океана. По мере стремительного погружения вода становилась все холоднее.

Сдавленный воздух грозил разорвать грудь. Конан тужился из последних сил, сознавая, что морское дно навсегда станет его могилой, если он позволит себе сделать выдох. Его

единственным шансом было высвободить меч и новым ударом прикончить чудовище.

Ни один луч света не проникал в то сумрачное царство, где Конану предстояло сцепиться в последней схватке с рыбой. словно необъезженная лошадь, барракуда стремилась сбросить своего отважного наездника, извиваясь в предсмертных судорогах.

Понимая, что развязка близка, варвар налег на эфес с удвоенной энергией, и... не выдержав столь яростного напора, хребет твари раскололся пополам, окрашивая воду в густой красный цвет. Испытывая невыносимое желание широко раскрыть рот и вдохнуть во что бы то ни стало, Конан неистово заколотил ногами и устремился вверх. С яростью, на которую только способно отчаяние, он рвался туда, где его ждали... солнце, воздух!

Путь на поверхность оказался невероятно долгим, и Конан вот-вот готов был потерять сознание, когда вода неожиданно расступилась и свежий ветер весело дунул ему в лицо. Не веря до конца своему счастью, он жадно глотал животительный воздух, щурясь, точно крот на ярком свете.

Потребовалось несколько минут, чтобы восстановить зрение в полной мере. Когда же Конан огляделся вокруг, то чуть не рассмеялся от приятного удивления: чертова рыба, взявшая его на буксир, доставила его прямо к цели, оставив кроважидных преследователей далеко позади. Дикари, явно решившие, что их жертва предпочла уют и покой рыбьего брю-

ха, довольные, повернули к берегу. И киммериец вовсе не собирался их разочаровывать. Он только постарался не думать о том, что ждало этих тупиц на обратном пути. Кровь и возня могли привлечь тварей куда более страшных, чем барракуда: поговаривали, что эти воды кишели гигантскими полосатыми акулами. Хвала Крому, что ему самому плыть осталось недолго.

Высокий аргосец, склонившийся над бортом, с выражением бесконечной скуки на лице разглядывал водную гладь, сверкавшую в солнечных бликах. От его скучающего взгляда не осталось и следа, когда он увидел подплывающего киммерийца. Аргосец резко выпрямился и что-то крикнул двум матросам, возившимся у мачты. Те послушно оставили свое занятие и с проворством опытных моряков спустили за борт тяжелый узловатый канат.

Неуклюже вскарабкавшись на палубу, Конан прежде всего отряхнулся, энергично мотнув гривой черных волос. Холодные брызги полетели во все стороны, вызывая бурю негодования у разомлевших на солнце гребцов, которые тут же побросали свои двадцатифутовые весла и принялись крыть незваного гостя на чем свет стоит.

Высокий аргосец не спеша направился к Конану, пробираясь между скамеек гребцов. Одной рукой он задумчиво тербил ухоженную бородку, другая на всякий случай лежала на эфесе короткого меча, заткнутого за широченный пояс. Остальная команда: загорелые вендийцы, коренастые ар-

госийцы и несколько зингарцев – последних отличал вечно бегающий взгляд – также нащупала рукоятки своих клинков.

Бородач остановился на почтительном расстоянии и, подозрительно оглядев варвара с ног до головы, прокричал:

– Кто бы ты ни был, голубоглазый великан, – судя по твоему виду, северянин, – добро пожаловать на «Мистрисс»! Меня зовут Тоско. Я первый помощник капитана, и все эти люди, которых ты видишь, мне подчиняются. Как твое имя и какого дьявола ты болтаешься посреди океана? – Приветствие, произнесенное на родном языке аргосийца, больше напоминало лай. Высокомерие так и сквозило в его словах, заставляя Конана помрачнеть.

Конан медлил с ответом. Усталость все же не до конца лишила его осмотрительности. Он изучающе посмотрел на каждого из окружения первого помощника, и в особенности на кормчего, что стоял чуть дальше остальных У руля.

Малый, по всей видимости стигиец, был смугл, его кожаный пояс и тонкий кинжал несли символы Сэта, беспощадного змеиного бога.

Варвар мысленно простонал. Кормчий мог припомнить его имя – имя грозного пирата, которым в Стигии пугали детей. Кром! Надо же было так прославиться!

– Меня зовут Враал, я вырос на границе, поэтому неплохо плаваю, – соврал Конан на ломаном аргоском.

– Ты, верно, раб или дезертир! Или ты уговорил тех ребят поиграть в догонялки? – Первый помощник мотнул головой

в сторону удирающих башкар.

– Нет, друг Тоско. Кочевники подстерегли меня в горах, когда я был на пути в Аншан, или Аграпур, или в любое другое место, где за мои меч и силу предложат наивысшую плату. За свою посадку я готов заплатить трудом; кажется, на этой посудине не хватает гребцов. А если нам суждено будет столкнуться с пиратами, то знай: мой меч к твоим услугам.

Серые глаза Тоско превратились в узенькие щелки, а загорелое лицо налилось неожиданной злобой.

– Не тебе пугать нас разбойниками! И знай, с кем имеешь дело: мы частное торговое судно, нанятое богатейшим стигийским жрецом, и никто не посмеет тронуть нас в этих водах. Твой меч меня нисколько не интересует, как, впрочем, и ты сам, вот разве что как придаток весла. Кроме того, у нас вряд ли наберется столько объедков, чтобы прокормить такого здоровенного борова.

Конан вот-вот готов был взорваться: неслыханная дерзость аргосийца не ведала границ. Варвар напрягся и в любую минуту готов был броситься в атаку. Но могучим усилием воли он все же заставил себя сдержаться. Та манера, в которой первый помощник осмелел его в присутствии всей команды, была обычным для аргосийцев способом проверки характера незнакомца.

– Помимо силы и меча, – с достоинством отвечал варвар, – у меня есть еще нечто, что наверняка тебя заинтересует. – С этими словами он извлек из своего импровизированного

кошелька увесистую монету и швырнул ее Тоско.

Бородач по-кошачьи ловко сцапал золото и оценивающе подбросил диск на ладони. Чеканка была явно немедийская: на одной стороне красовался затейливый герб, а на другой – собственный профиль правителя. Оскалившись в ухмылке, Тоско спрятал монету в карман своей замызганной жилетки и презрительно бросил киммерийцу:

– Займи свободную скамью. Я спрошу у капитана, возьмет ли он еще одного дармоеда. Боюсь, правда, что ум твой столь же слаб, сколь сильны твои плечи, как бы не пришлось потратить время, чтобы научить тебя грести.

Конан с трудом подавил в себе желание вышвырнуть невоспитанную аргоскую свинью за борт. Помрачнев, словно грозовая туча, он повернулся к Тоско спиной и прошагал к ближайшей скамье. Тоско же распустил свою свиту и кивнул маленькому лысеющему вендийцу. Коротышка выхватил из-за пояса деревянный молоточек, уселся, скрестив ноги, напротив старого обшарпанного барабана и с чувством важности принялся колотить в свой бубен, задавая гребцам нарастающий ритм.

Взбешенный насмешками аргосийца, Конан ощутил прилив нечеловеческой энергии, которая вмиг освежила его измученное тело. Сейчас он покажет этой корабельной крысе, какую скорость может развивать судно в штиле. Забыв про усталость, киммериец, скрежеща зубами, расположился в центре скамьи, ближе к носу корабля, и взял по веслу в

каждую руку.

Тем временем Тоско, похоже, не спешил беспокоить капитана. Он забрался на корму и, словно король на троне, стал выкрикивать оскорбления.

– А ну налегги! Гните спины! Живей, собаки! Я хочу добраться до Стигии раньше, чем моя борода станет седой.

Не успел аргосец закончить свою «подбадривающую» речь, как Конан уже принялся ритмично гребти. В конце каждого взмаха он наклонялся почти до самой палубы, затем стремительно поднимался, зарывая тяжелые весла в поющую за бортом воду. Узловатые мышцы заиграли под бронзовой от загара кожей, когда барабанщик ускорил ритм. Остальные гребцы едва поспевали за этим бешеным темпом.

Весла, имевшие двадцать футов в длину, на пятнадцать из них выступали за борт. Их широкие лопатки разом врезались в водную гладь, заставляя галеру передвигаться могучими рывками. Варвару не составляло труда поспевать за ударами барабана, хотя медные уключины уже накалились от трения. Он не сомневался, что Тоско оставит его на борту: лишиться умелого гребца из-за каких-то амбиций было глупо, а аргосиец вовсе не казался полным кретином. Однако варвара удивлял тот факт, что Тоско не потребовал у него меч и, что более удивительно, не попытался наложить лапу на Джералово золото. И все же не стоило слишком доверять этому задаваке: аргосийцы были способны на любое коварство.

Постепенно «Мистрисс» набрала приличную скорость, движимая мощными рывками Конана и тщетными усилиями остальных поспеть за неугомонным киммерийцем. Конан чередовал вдохи и выдохи с искусством опытного гребца. Как бы ни потешался над ним Тоско, а на этой скамье он не был новичком. Сколько раз кнут надсмотрщика ложился на его мокрую от пота спину, когда он сидел, прикованный к палубе, точно пес. Болезненные воспоминания разожгли в нем такую ненависть, которую мог испытывать лишь человек, побывавший в рабстве. Чаше и чаще взлетали его весла, до тех пор пока за двумя его взмахами не следовал лишь один удар молоточка.

Задышающиеся гребцы на соседних скамейках были работающими малыми, и на каждого из них приходилось по одному веслу, но все же их весла поднимались и опускались в два раза реже тех, что сжимал киммериец. Слабый ветерок обдувал лицо первого помощника, когда галера выпрыгивала в очередном рывке. Полдня просидевшее в штиле судно теперь уверенно двигалось в юго-западном направлении, ориентируясь на лесистый берег Зембабве. Барабанщик-вендиец участил дробь, поспевая за яростными взмахами киммерийца. Глухой стук барабана превратился в сплошной монотонный гул.

Вдруг за спиной у Конана раздался сухой щелчок. Краем глаза варвар заметил, что парень позади него рухнул на палубу. Умирая, бедняга выпустил древко, о которое и удари-

лось весло Конана.

Тоско, который до сих пор хранил молчание, недовольно фыркнул и обратился к кормчему по-стигийски, слегка понизив голос, но не настолько, чтобы утаить разговор от острого слуха киммерийца.

– А этот упрямый носорог и впрямь неплохо гребет! На невольничьем рынке в Луксуре за него можно выручить хорошие деньги.

Эти слова прозвучали в голове варвара, словно раскат грома. Сердце его забилося громче вендийского бубна, а глаза вспыхнули неистовым голубым огнем. Не выпуская весел из рук, он резко выпрямился во весь рост, с треском выламывая пятифутовые концы из уключин, и, подняв эти импровизированные копья высоко над головой, грозно двинулся на Тоско.

– Корабельная крыса! Сейчас ты ответишь за свои поганные слова! Эти прутики навсегда отучат тебя твякать.

Поняв, что северянин вовсе не собирается шутить, первый помощник выхватил из-за пояса свой трехфутовый тесак и с ревом прыгнул на палубу. Пинками распахивая остолбеневших от изумления гребцов и ловко перепрыгивая через скамейки, он устремился на Конана, яростно размахивая кривым ятаганом.

В следующий миг он очутился перед варваром, заноса над ним злое оружие. Однако киммериец вовремя отступил назад, блокируя смертельный удар одним из своих копий и

одновременно опуская второе на плечи Тоско. Удар пришелся по шее аргосийца. С отвратительным хрустом позвоночник сломался, словно сухой тростник, оставляя голову бессильно болтаться на правом плече. Пошатнувшись, первый помощник, словно привидение, медленно побрел по палубе, приводя в панический ужас своих подчиненных. Последний хриплый стон вырвался из его глотки, когда он ступил на край палубы, и... потеряв равновесие, Тоско кувыркнулся через рейлинг и рухнул за борт.

– Эй ты, на корме! – рявкнул варвар стигийцу. – Пойди и сообщи капитану, что у него теперь новый первый помощник. Он заметит, что судно плывет куда быстрее, когда им командует Конан... – Опомнившись, Конан заставил себя замолчать, но поздно – предательские слова уже сорвались с языка, и оставалось уповать на Крома, чтобы имя киммерийца оказалось кормчему незнакомо.

Задышавшись от волнения, стигиец выпустил руль и выхватил длинный тонкий кинжал из-за кожаного пояса, усеянного медными заклепками.

Петляя между скамейками, словно заяц, Конан пробежал через всю палубу и укрылся за единственной мачтой, обнажая палаш. Он не спешил покинуть свое убежище: стигийцы умели обращаться со своими кинжалами с дьявольским мастерством...

...И в следующий миг Конан получил наглядное тому подтверждение: хорошо прицеленный бросок зарыл в его голень

несколько дюймов отменно закаленной стали. Конан со стоном рухнул на одно колено и попытался вытащить застрявший в кости нож. Его меч выскользнул из рук и провалился куда-то между досок.

— Капитан! — визгливо заорал стигиец, колотя ногами по люку трюма.

Конан облокотился на мачту, переводя дух и готовя себя к решительной схватке. Его мучило нестерпимое желание загнать нож кормчему под ребра, но тем самым он лишился бы своего единственного оружия. А ведь с помощью кинжала варвар мог бы приобрести вещь куда более полезную: Конан с завистью разглядывал мечи, сверкавшие в руках членов команды, столпившихся в нерешительности вокруг мачты.

Несколько гребцов первыми вышли из оцепенения. Они бросились на Конана и принялись его нещадно колотить. Варвар вслепую раздавал удары, заметив краем глаза, что три парня схватились за окровавленные животы. Но тут остальная команда пересилила наконец страх и бросилась на загнанного киммерийца всем скопом.

Пятеро здоровенных моряков пригвоздили его к палубе, в то время как остальные матросы вырвали из руки кинжал.

Неожиданно крышка люка отворилась, и оттуда неуклюже вывалился сам капитан. К своему ужасу, Конан заметил, что тот также был стигийцем. Он вытащил из голенища своего сапога такой же длинный тонкий кинжал и двинулся прямо

на расprostертого киммерийца.

Глядя снизу вверх, Конан принялся внимательно изучать человека, в руках которого находилась его жизнь. С первого взгляда стало ясно, что перед ним бывалый морской волк. Достаточно крепкий, но уже немолодой капитан был выше и смуглее большинства своих земляков. Волосы на его голове были выбриты с боков и образовывали правильный черный треугольник, одно острие которого свисало над переносицей. Его резкий хриплый окрик заставил команду послушно расступиться, и Конан тут же увидел над собой лицо, испещренное глубокими морщинами и обезображенное отвратительным шрамом, тянувшимся через весь лоб до самого уха. Его покрасневшие усталые глаза, торопливая небрежность, с которой была зашнурована забрызганная вином кожаная безрукавка, красноречиво свидетельствовали о ночи, проведенной в отчаянном пьянстве: чем, интересно, еще можно было объяснить то, что капитан проспал их разборку с Тоско.

Однако сейчас капитан выглядел окончательно протрезвевшим. Тяжелый грязный сапог больно ударил варвара по животу, когда тот попытался подняться на одно колено. Следующий увесистый пинок обрушился на его челюсть, да так, что зубы клацнули, а голову прострелило невыносимой болью. С трудом сохраняя сознание, Конан поднял голову и затуманенным взглядом посмотрел на своего мучителя.

Стигиец залился сухим, леденящим душу смехом, от которого у варвара мороз пробежал по коже.

Вдруг внутри у киммерийца все сжалось. Это ухмыляющееся лицо оказалось ему знакомо. Постаревшее и огрубевшее с годами, но это было лицо стигийского адмирала...

И этот шрам! Как же он не узнал его сразу?! Ведь он собственноручно оставил эту отметину на лице Кхерета.

Память вновь вернула Конана к его пиратскому прошлому. Это была удачная вылазка, поразившая адмирала своей дерзостью. Обескураженный Кхерет среагировал слишком поздно, позволив быстроходной «Тигрице» ускользнуть перед самым его носом с полными трюмами сокровищ. Да каких! Предназначенных для самой королевской четы! Только флагманский корабль во главе с самим адмиралом пустился в погоню, но яростная оборона разбойников заставила его отступить.

Да, после того позорного поражения стигийский адмирал поистине низко пал – от командующего военным флотом до спившегося капитана мелкой торговой галеры.

Конан приготовился к худшему. Он почти не сомневался, что ненависть разжалованного адмирала, которая, точно гнойный нарыв, зрела все эти годы, выплеснется теперь на его голову.

Конан предпринял последнюю попытку встать на ноги. Тщетно! Силы окончательно его покинули. Все, на что он был сейчас способен, – это лежать и беспомощно наблюдать за тем, как гребцы связывают его по рукам и ногам толстой бечевкой.

– Адмирал Кхерет, – задыхаясь, выдал киммериец и выругался на отборном стигийском.

– Конан! – тихо процедил капитан, перекатывая слово во рту, точно кусок горькой пищи. Он потрогал покрытый шрамами подбородок и провел рукой по изуродованной мочке уха. Затем он нервным движением приставил кинжал к виску киммерийца а с наслаждением вдавил острие глубоко в кожу.

– После того как ты сжег мой флагманский корабль, король вышвырнул меня вон, поставив тем самым крест на моей доблестной карьере. С того самого дня я неустанно молил Сэта о возмездии. И, кажется, он услышал мои мольбы. – Кхерет издал носоглоткой неприличный звук и смачно плюнул в лицо распростертого киммерийца. – Твои предсмертные судороги доставят мне огромное удовольствие!

Кхерет давил на кинжал все сильнее до тех пор, пока из-под лезвия не брызнула кровь. Затем с жутким хохотом он принялся полосовать варвара, не оставляя на его лице живого места.

ГЛАВА 4

УЖАС МОРЯ

Кхерет с нескрываемым удовольствием любовался проделанной работой, в то время как Конан, воспользовавшись короткой передышкой, испытывал на прочность глубоко впившиеся в кожу путы. Ошалелый капитан разукрасил ему обе половины лица, и кровавые порезы теперь нестерпимо саднили. Киммериец стойко перенес испытание, не проронив ни звука, не считая, правда, цветистых проклятий, которыми он щедро одаривал своего палача.

Заметно повеселевший стигиец слизал с кинжала кровь и сплюнул ее в лицо варвару. Он срезал с его пояса мешок и, заглянув внутрь, одобрительно хихикнул:

– Это всего лишь ничтожная доля того, что я получу от короля в Луксуре. Тебе, подонку, повезло, что король пообещал высокую награду тому, кто бросит тебя живого к его ногам. Убив тебя сейчас, я получил бы изысканнейшее удовольствие, однако больше всего на свете я хочу вернуть мое звание и честь. И ты, отродье, поможешь мне в этом!

Глаза капитана торжествующе засияли, бодрая улыбка заиграла на заляпанных кровью губах:

– А что до тебя, так мне достаточно будет знать, что ты умрешь мучительной медленной смертью, когда дюжина

змей сожрет тебя заживо, выево мозг из твоих костей. Ты будешь рыдать и умолять о смерти более легкой!

Почесывая свой шрам, Кхерет склонился над беспомощным пленником, приблизив лицо настолько, что варвар почувствовал его горячее, разящее перегаром дыхание.

– Но и смерть не облегчит твоих страданий! Ибо черная душа твоя отправится в ад, где наш змеиный бог Сэт давно поджидает ее с раскаленными сковородками.

Киммериец дернулся в бессильной ярости, заскрежетав зубами и пытаясь пересилить пульсирующую в голове боль. Обильные капли пота выступили на его лице, смачивая черную гриву перепачканных в крови волос и не давая свежим рубцам просохнуть. Его голубые глаза вспыхнули неистовым огнем, сжигая в этом пламени последние силы.

– Стигийский шакал! – хрипло прорычал Конан. – Твои псы вряд ли тебе помогут, когда мы встретимся в аду, куда Сэт отправляет всех своих верных лакеев в награду за их преданную службу.

– Пустые слова, варвар, – насмешливо прокомментировал Кхерет пламенную речь своей жертвы. – Когда через четыре месяца мы прибудем в Луксур, ты будешь ползать на коленях, умоляя о привилегии лизать тюремную воду с моих сапог. Вы, киммерийцы, упрямы, как пни, и живучи, как кошки, я уверен, ты выживешь без пищи и воды. Ты будешь жив, когда я брошу тебя королю в ноги... Жив, но раздавлен и сломлен – просто жалкий мешок с костями.

С этими словами Кхерет отвернулся и окликнул белобородого вендийца, показавшегося из люка:

– Джатил! Промой-ка этому выродку раны. Он должен страдать, но не умереть – я хочу командовать моей армией снова.

Пожилой вендиец молча принялся исполнять приказание капитана. Он окатил лицо варвара соленой водой, от которой свежие раны так и вспыхнули огнем. Конану показалось, что его голову засунули в печь, закопав лицом в раскаленные угли. Он подавил крик, когда «врачеватель» наложил на рубцы грязную шершавую тряпку, которая больно впиалась в кожу, но оставляла открытыми глаза и рот. Поэтому он видел, как Кхерет жестом подозвал двух гребцов.

– Девир и Матара, спустите эту падаль в трюм да привяжите покрепче к пустому крэйту. И проверьте, чтобы веревка была крепкой: этот киммериец намного опасней, чем кажется. Я видел его истекающим кровью, но тем не менее сражающимся, да с такой яростью, на которую способен лишь тигр, загнанный в клетку. Каждый день вливайте в его глотку по ковшу воды, но кормите только раз в три дня.

Потом он повернулся к гребцам.

– С этого дня будете по двое стоять на карауле. Я лично проверю каждую смену и, клянусь Сэтом, собственноручно вздерну на рее мерзавца, какового застану спящим. А сейчас, псы, займите скамейки и гните спины, да молитесь небо, чтобы послало попутного ветра. Если доберемся до Луксу-

ра за три месяца, каждый получит двойную награду. Так что старайтесь! — Закончив раздавать приказы, он кивнул коротышке барабанщику и властно прошагал на корму.

Два здоровенных моряка подхватили Конана под руки и запихали в узкий люк, ведущий в грузовой отсек корабля. Конвоиры отворили небольшую, но крепкую дубовую дверь и волоком затащили его внутрь тесного трюма. Скинув ношу на сырые прогнившие доски, гребцы принялись освобождать массивный деревянный поддон от вендийских ковров, распахивая их по и без того забитым доверху нишам. Вендийцы были крепкими малыми, но даже их совместных усилий едва хватило на то, чтобы передвинуть пустой крэйт в центр трюма. Через минуту к ним спустился Джатил с мотком добротной веревки, которая по толщине в два раза превосходила большой палец Конана.

Этой веревкой гребцы крепко-накрепко обмотали и без того связанного киммерийца, прочно пригвоздив его к шершавой стенке поддона. Замысловатые узлы были затянуты столь искусно, что становились только крепче при любой попытке узника пошевелить хоть кончиком пальца. Вендийцы специально расположили пленника так, чтобы его лицо как раз находилось под ржавой решеткой в потолке трюма, которая обеспечивала слабый свет и хоть какую-то вентиляцию.

Конан с трудом поднял голову к свету. Злобное лицо Кхерета смотрело сверху. Его зловещий смех эхом раздавался в воспаленном мозгу варвара, грозя свести с ума.

Ослабленный потерей крови и постоянной болью, киммериец впал в глубокое беспамятство.

Полная луна сияла на ночном небе, подобно гигантскому тусклому бриллианту, заливая холодным светом джунгли и оставляя прозрачные дорожки на устланной мягкой лиственной земле. Капли дождя, оставленные недавним ливнем, блестели на деревьях, словно бисер.

Чутье Конана, всегда считавшееся отменным, казалось этой ночью особенно острым. Ноздри варвара жадно втягивали пахнущий мхом и плесенью воздух, стараясь учуять малейший запах зверя.

Бесшумно скользя между деревьев, он каким-то образом угадывал правильное направление, хотя в первобытном лесу не было заметно никаких тропинок. Всецело доверяясь охотничьему инстинкту, Конан неумолимо преследовал жертву, ориентируясь лишь на едва различимые звуки, запахи и тени. Живот громко урчал, требуя сырого мяса и свежей крови. Где-то поблизости витали запахи четвероногих тварей – жирных и трусливых. Они только что здесь пробежали, оставив за собой следы.

Навязчивый голос в голове не давал покоя: что-то здесь было не так. Он вовсе не какой-нибудь дикий хищник, чтобы выслеживать по лесам добычу и рвать на куски ее плоть. Как он оказался в этих джунглях, раздетый и без меча?

Но вскоре голос смолк, и ничто уже не мешало его охоте. Пересохшее горло жаждало красного сочного напитка, а

длинным острым зубам не терпелось вонзиться в чью-нибудь глотку. Казалось, в мозгу не осталось места для других мыслей и желаний. Конан словно жил охотой, и все обитатели зеленого царства знали это, а потому боялись.

Тяжело дыша, Конан продирался сквозь непролазную чащу, дыхание, поднимавшееся изо рта, было наполнено кислым запахом непереваренной пищи. Он облизнул уголки губ, до сих пор хранивших привкус крови дикого кабана, убитого им в полдень. Вообще-то Конан не имел привычки охотиться по ночам, но сегодня полная луна разожгла в нем кровавый аппетит, требуя все новых и новых жертв.

И Конан знал, что, даже доверху набив брюхо мясом, он будет продолжать убивать до тех пор, пока зловещее светило не растает на утреннем небе.

Впереди показалась поляна. Слабый ветерок разносил повсюду запахи зверей. Жадно облизываясь, варвар замер, внимательно прислушиваясь к шорохам и трескам, которыми были наполнены ночные джунгли. Несомненно, поблизости притаилось целое стадо. Сейчас он бросится на спящих животных, не давая им опомниться.

Конан напряг пружины мышц и, проламываясь сквозь стену зелени, выпрыгнул на поляну, протягивая длинные волосатые руки с черными когтями и обнажая ряд загнутых желтых клыков. Звериный рык вырвался из его груди, разрывая тишину ночного леса. В следующий миг он оказался верхом на спящем животном, которое спохватилось слишком позд-

но, и принялся рвать полосатую шкуру.

Кровь гейзером ударила из разодранной глотки, а копыта задержались в предсмертных конвульсиях. Остальное стадо тут же вскочило на ноги, сверкнув множеством лун, отраженных в дюжине пар глаз, и в ужасе бросилось наутек.

Возбужденный видом и вкусом крови, Конан повернулся к удирающему стаду и издал столь леденящий рык, что звери замерли в оцепенении. Он убил еще троих, разорвав им глотки прямо на глазах у онемевших сородичей. Сцена убийства вывела стадо из транса, и звери ринулись прочь.

Однако Конан был весьма далек от удовлетворения. Безумное желание убивать все живое заставило его броситься в погоню. Он без труда нагнал беглецов и завалил отбившееся от стада животное, разорвал его шкуру и разбросал внутренности. Бьющееся на земле сердце посылало в его лицо струи горячей крови.

Захлебываясь слюной, Конан сдирал куски мяса и запикивал их в рот, проталкивая, не жуя, в брюхо. Насытившись, он поднял лицо к небу, словно ища одобрения у своей покровительницы.

Неожиданно диск луны принял облик какланийского шамана. Его смеющееся лицо с фантастическими татуировками смотрело прямо на Конана. Немигающие глаза горели ненавистью, а тонкие губы шевелились, словно произнося заклинание.

Конан проснулся от чьего-то крика и потянулся к мечу,

которого, правда, при нем не оказалось. Каково же было его удивление, когда он понял, что сам являлся источником этого крика. Он припомнил все детали ночного кошмара с поразительной ясностью, от которой волосы на голове становились дыбом. Тело было мокрым, как после дождя, но не только от испарины: грубая веревка больно впивалась в кожу и была сплошь пропитана кровью. Израненное лицо пылало. Правая голень превратилась в один комок боли и безобразно распухла в том месте, где ее пронзил стигийский клинок. Он лежал поверх днища деревянного поддона, сжимая кулаки от боли и злобы, и тоскливо смотрел в потолок.

Снаружи была темная ночь: он видел сквозь железную решетку клочок звездного неба. Однако тихое покачивание корабля и нежный ветерок не в силах были его успокоить.

Конан отчаянно напрягся, накачивая мышцы безумной энергией... Тщетно! Даже дюжина сильных мужчин вряд ли могла порвать его оковы. Убедившись в тщетности своих потуг, лишь отнимавших последние силы, Конан попытался расслабиться и подумать.

Кровь опять засочилась из изрезанных веревкой ран, и варвару пришлось больно закусить губу, чтобы сдержать крик.

Как он теперь выяснил, сон также не приносил ему отдыха: он вовсе не желал заново переживать одни и те же кошмары. Станные видения неотступно преследовали его с той самой ночи, когда красный туман отравил его разум.

Колдун, по всей видимости, спустил на него всех демонов преисподней, которые не оставят его в покое, пока окончательно не сведут с ума. Сотни жутких историй о душах мертвецов, жаждущих мщения, вмиг ожили в суеверном мозгу. Дрожь пробежала по всему телу, заставляя волосы на голове зашевелиться. Глубоко укоренившийся страх перед сверхъестественным порождал самые невероятные предположения.

Тяжело дыша, он снова поднял глаза к небу, и... сердце его чуть не выпрыгнуло из груди: сквозь ржавую решетку трюма на него равнодушно смотрел лик полной луны. Не в силах оторвать глаз, варвар с ужасом взирал на бледное светило, которое, несомненно, играло в его судьбе какую-то зловещую роль.

Собрав волю в кулак, Конан угрюмо отвернулся, не позволяя фантазиям разыграться слишком сильно. К счастью, ему было над чем поломать голову. Для начала следовало бы подумать о том, как выбраться из заточения. А потом... Эх, сумей он только отыскать свой меч – проучил бы этого мстительного пса Кхерета.

Конан напрягся, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи. Плотная повязка и корка засохшей крови изрядно приглушали всякие звуки, но все же он различал и поскрипывание палубных досок, и тихий плеск воды за бортом.

Варвар затаил дыхание... С палубы раздавались тихие монотонные голоса. Ночной караул состоял предположительно

из двух человек: Конан был уверен, что слышит два разных голоса, хотя разобрать предмет разговора не удавалось. За дверью трюма тоже слышался какой-то дребезжащий звук. Конану не потребовалось много времени, чтобы догадаться: стражник, карауливший дверь, бессовестно дрыхнул. Однако и этот факт не придавал энтузиазма. Кхерет, очевидно, не собирался ослабить веревки. А это означало, что он будет чахнуть в этом склепе месяцами. Киммериец знал границы своей выносливости и поэтому не тешил себя иллюзиями. На том скудном рационе, который предлагал ему Кхерет, он, может, и продержался бы несколько месяцев, однако силы его начнут увядать уже через неделю.

В одном теперь Конан был твердо уверен: стигийский экс-адмирал не даст ему умереть и во что бы то ни стало доставит в Луксур для жертвоприношения своему змеиному идолу. Один Кром мог знать, что ждало его в этом распроклятом городе. Да, пожалуй, если и есть какой-либо выход из этой западни, то его нужно найти поскорее. Как только силы покинут его, стигиец совет из него веревки.

Конан в очередной раз проклял себя за то, что поддался на уговоры Джерала и втянул своих людей в бессмысленную бойню. Наемная служба зачастую могла принести хорошие деньги, вопрос лишь в том, кому продать свою силу и меч... Люди Конана сделали, по всей видимости, неправильный выбор. В будущем он будет осторожнее... Если у него вообще будет это будущее! Хотя, по правде сказать, солдатская

жизнь ему до смерти осточертела. Похоже, что он уносил с поля боя больше шрамов на теле, чем монет в кошельке.

Чуть заметные бледные тени, появившиеся на стенах, свидетельствовали о наступлении рассвета.

Неожиданно Конан услышал странный шорох, который, казалось, раздавался у него прямо под ухом.

Он с любопытством вытянул шею, пытаясь разобраться, кто бы это мог быть, и тут же почувствовал в левой мочке острую боль. В следующий миг он услышал, как кто-то царапает воротник рубахи.

Резко повернув голову и чуть не вывихнув себе шею, он заметил длинный розовый хвост. Изучив его по всей длине, он обнаружил, что хвост принадлежит огромной серой крысе. К своему ужасу, Конан заметил, что в ее зубах был зажат кусочек его собственного уха. Сморщенная мордочка и лапки разбойницы были вымазаны в крови, а красные глазенки смотрели на варвара безо всякого интереса.

Конан застонал.

Даже этому нахальному грызуну было на него ровным счетом наплевать. Взбешенный столь вопиющей наглостью, варвар оскалился и, изловчившись, впился зубами в крысиный хвост. Стиснув зубы, он принялся остервенело мотать головой, колотя крысой по твердому дереву. Удивленный грызун сопротивлялся, царапая коготками и без того изуродованное лицо.

От боли и ненависти Конан сдавил челюсти с такой силой,

что чуть не откусил крысе хвост. После нескольких таких ударов крыса перестала дергаться и стихла.

Тяжело дыша, Конан разжал рот и избавился от своей недавней обидчицы, одновременно избавляясь и от всех своих страхов. Пусть маленькая, но все же победа вернула ему веру в себя. Какие бы тяжкие испытания ни уготовила ему судьба, он встретит их лицом к лицу и обязательно преодолет благодаря редким качествам, которыми суровый бог Кром щедро наделил каждого киммерийца, – железной воле и лвиной силе.

Криво усмехнувшись, Конан сплюнул кончик крысиного хвоста и поднял глаза к потолку, обдумывая план бегства. Лучи утреннего солнца залили тесный трюм теплым золотистым светом.

Наступил полдень, хотя в затхлой келье довольно трудно было судить о точном времени. Солнце пока не появилось в зените, однако широкий вендийский парус мог его попросту скрывать. Слабый ветерок, просачивающийся сквозь зарешеченное окно, становился все сильнее и был уже способен двигать судно. Конан слышал, как Кхерет приказал матросам поднять парус. Судя по завываниям ветра наверху и плеску роли за бортом, галера набрала приличную скорость.

Бодрящая свежесть наполнила трюм, выметая гнилостные запахи трюмной воды и крысиных нечистот. От нечего делать Конан разглядывал приземистую дубовую дверь. Внезапно она отворилась, впуская внутрь троих вооруженных

мужчин. Они принесли ему пищу и воду.

Конан проглотил свой скромный завтрак, которым едва можно было накормить ребенка. Что ж, он вряд ли мог рассчитывать на что-либо большее. Потом Джатил заменил за-сохшую коркой повязку новым куском тряпки и смыл кровь с прокушенного уха. Сметая крысиный труп, вендиец с удивлением посмотрел на варвара и лишь покачал головой.

Так и не проронив ни слова, они ушли, заперев за собой дверь.

Чуть позже в окошке появилось злорадное лицо Кхерета. Он прорычал сверху несколько оскорблений, на что незамедлительно получил столь же любезный ответ. Устав пререкаться, капитан убрался вон и больше не появлялся.

Вплоть до самого вечера Конан не слышал ничего интересного, пока наконец до него не донеслись громкие голоса.

Узнав голос кормчего, киммериец прислушался.

К счастью, стигиец повысил голос, он, судя по всему, с кем-то отчаянно спорил. Вскоре послышалась и речь оппонента.

– Я командую этим кораблем, Чадим! Правда, по возвращении ты имеешь полное право поставить вопрос о моей отставке! – Оскорбительный тон наверняка принадлежал Кхерету.

– Об отставке столь уважаемого человека? Чепуха! Я прекрасно понимаю, что нам нужно спешить и что предлагаемый вами маршрут действительно сэкономит несколько

недель. Однако большинство купцов избегает этих мест – и не зря!

– Не смей меня сравнивать с твоими жалкими торгашами. Я никогда не верил их бредовым рассказам. Все эти слухи – ложь от начала и до конца, выдуманная пьяными брехунами с одной только целью: выклянчить кружку пива у таких же легковверных тупиц, как ты. Боюсь, что ты слишком много времени проводишь в этих заплеванных портовых тавернах. А твои душещипательные небылицы способны напугать разве что скудоумных трусов.

Чадим выдержал паузу, прежде чем ответить.

– Хотелось бы верить, мой адмирал...

– С меня достаточно! Ступай на корму и займись своим делом. Мы пройдем сквозь петлю Небеки еще до восхода.

Голос Кхерета смолк, и его шаги растаяли где-то в заднем конце корабля.

Чадим обменялся еще несколькими фразами с командой, но Конан уже не мог разобрать их смысла. Он лежал на своем жестком ложе, гадая, что за странную петлю упомянул в разговоре Кхерет. В отличие от капитана, он верил большинству моряцких историй, По своему опыту варвар знал, что они несли известную долю правды. Вот рассказы о несметных сокровищах, зарытых-де там-то да сям-то, – совсем другое дело! Тут он не верил ни единому слову.

Пока Конан ломал голову над решением сей интригующей загадки, последние лучи садящегося солнца покинули

мрачный трюм, погрузив его во тьму. Несмотря на все попытки продолжить размышления, он быстро погрузился в легкую дремоту. Постоянная боль в надорванном ухе и раненой голени утомила его вконец. Не в силах сопротивляться навалившейся усталости, он уронил тяжелую голову и сомкнул свинцовые веки. В следующий миг Конан шумно храпел, слишком обессиленный для того, чтобы рассуждать о какой-то там «петле», и позабыв даже о своих кошмарах.

Проснувшись, он обнаружил себя объатым крошечной тьмой, сравнимой разве что с мраком стигийской гробницы. Конан посмотрел в свое окошко, но увидел лишь чернильную черноту затянутого облаками неба. Сверху доносилось тихое шарканье караульных, добросовестно совершавших обход.

Затекшая голова гудела, а сплошное облако боли не позволяло на чем-либо сосредоточиться. К удивлению, он заметил, что весь дрожит, – и это несмотря на адскую духоту. Крупные капли пота градом катились с лица, пропитывая грубую тряпку и обжигая рубцы. Конан сразу же узнал первые симптомы лихорадки. Так ему предстоит провести всю ночь! Хорошо, хоть крысы пока не беспокоили.

Теплый ветер, струившийся сверху, приятно теребил волосы. Раскатистые удары волн и пронзительный скрип мачты свидетельствовали о том, что «Мистрисс» уверенно набирает скорость. Неудивительно, что Кхерет выбрал именно этот маршрут: как бывший адмирал, он располагал изрядным ба-

гажом знаний о направлениях ветров и подводных течений.

Знакомый до боли звук раздавался за дверью. Он сразу его узнал: скрежет меча о точильный камень. Часовой терпеливо обрабатывал свой клинок, прибегнув к распространенному среди солдат способу скоротать ночь.

Сдерживая стон, Конан крошил друг о друга зубы, тщетно пытаясь пересилить все возрастающую боль.

Неожиданно бледные блики разбрелись по стенам, заставляя варвара посмотреть наверх. словно тяжелый занавес, облака расползлись, обнажая диск полной луны. Тусклый горящий головень болезненно-желтого цвета приковал его взгляд. Будто зачарованный, он наблюдал за тем, как луна растет, превращаясь в огромный выпученный глаз.

Глухое завывание ветра наполнило уши.

Испуганно охая, варвар зажмурил глаза, однако изображение зловещего светила неизгладимо отпечаталось в его мозгу. Руки начали безотчетно трястись, и эта неудержимая дрожь пронеслась по всему телу. Извиваясь и корчась в пределах, в которых позволяли веревки, Конан приподнял голову и посмотрел на свои пораженные лихорадкой члены.

Шершавая бечевка затянулась сильнее, глубоко врезаясь в тело и вызывая новое кровотечение из почерневших рубцов. Кожа нестерпимо чесалась, как будто бы тысяча муравьев сновала по нему взад и вперед.

В тусклом свете луны было видно, как из трясущегося тела прорастает грубая белая шерсть, а конечности опухают и

вытягиваются до чудовищных размеров. В носу назойливо присутствовал запах пота, но это не мешало вдруг обострившемуся обонянию уловить сотни других ароматов. Они проникали отовсюду: с палубы, с моря, а может, и с самого морского дна... Это были запахи его жертв!

Конан задрожал.

Руки, способные шевелиться разве что в запястьях, пылали, точно погруженные в кипящее масло. Они были крепко привязаны к бедрам, и варвар чувствовал... нет, слышал, как уродливые пальцы растут, разрывая кожу. То же самое происходило с ногами, которые безобразно кривились, приобретая форму обезьяньих лап. Длинные пальцы корчились и извивались, как черви, покрываясь все той же белой шерстью.

Конан пытался кричать, но из груди вырывалось одно лишь утробное бульканье. Лоб и нос испытывали разрушительное давление, как будто внутри черепа что-то раздувалось и пухло, пытаясь выйти наружу через лицо. Почувствовав во рту вкус крови, он провел языком под надтреснутым деснам, поражаясь тому, сколь остры теперь были его зубы. Нижняя челюсть безобразно выдвинулась вперед, растягивая кожу со звуком, похожим на тот, что издает разрываемый на части ремень.

Неведомая сила выдавила из груди воздух и прогнула спину дугой. Стальная клешня вцепилась в ребра и принялась растягивать их, причиняя адскую муку.

Истошный вопль в конце концов нашел свой путь сквозь сеть пересохших связок, напоминая скорее рев зверя. Извиваясь и корчась, Конан силился порвать свои путы до тех пор, пока сухое днище под ним не разлетелось в щепки. Киммериец шумно грохнулся на пол и прокатился через весь трюм. Кровь начинала циркулировать по онемевшим ногам.

Сдавив ладонями виски, он устремил свой взор к мутному желтоватому лику и взвыл, пугаясь собственного крика. Память была окутана густой пеленой, и варвару никак не удавалось припомнить, где он мог слышать этот рев прежде. Сознание неумолимо ускользало прочь, унося последние воспоминания о человеческой жизни. Повинуясь безумному инстинкту, Конан обрушил свои массивные кулаки на дубовый крейт, превращая его в груды щепок. На какой-то миг память вновь вернулась к нему, и он узнал тот страшный вой. Подобный звук издавала огромная хищная обезьяна, которую он повстречал в лесу несколько лет назад. Тварь разорвала на куски дюжину бамбулийских охотников, прежде чем издохнуть утыканной копьями, словно дикобраз.

В следующий миг сознание окончательно провалилось в бездну, оставляя в мозгу варвара лишь страх и лютую ненависть ко всему живому. Боль в висках и раненой голени более его не тревожила. Нос жадно втягивал сладкие запахи, что витали повсюду. Запах теплой крови и свежего мяса! Чувства варвара обострились настолько, что он слышал, как за толстой дубовой дверью в груди молодого стражника бьет-

ся сердце.

Конан облизнулся.

Обуреваемый безумной яростью, он бросился на преграду, отделявшую его от жертвы. Тяжелое плечо с треском высадило дверь, выворачивая доски, усеянные ржавыми гвоздями. Изумленный стражник отлетел в сторону.

Не давая часовому опомниться, Конан схватил его за шею и, приподняв над полом, принялся душить. Он не разжимал пальцев до тех пор, пока глаза несчастного не вылезли из орбит, застыв в стеклянном немигающем взгляде. Затем, разорвав жертву когтями, он принялся жадно пихать в рот куски теплого мяса.

Пока Конан продолжал свою чудовищную трапезу, палуба наверху наполнилась криками, смешанными с лязгом оружия и гулким топотом ног.

Варвар оставил выпотрошенный труп и повернулся на шум, предвкушая появление новых тщедушных розовокожих зверьков. Он с наслаждением представил, как растерзает их тельца и перемелет зубами кости.

Конан прыгнул к лестнице, ведущей наверх, и выжидающе притаился. Он согнул колени и напряг пружинистые мышцы икр, которые были в два раза толще бедер обычного человека. Прежде чем матросы ступили на край лестницы, Конан прыгнул на палубу. Доски жалобно задрожали под его весом. Жгучее сияние ослепило глаза. Варвар взглянул на черное небо и увидел причину своей боли – бледный диск,

горящий мутным холодным огнем. Сейчас он потушит его кровью жалких мягкотелых тварей, которые окружили его со всех сторон. Этих ничтожеств с лихвой хватит, чтобы утопить проклятое светило в море крови.

Пятеро гребцов угрожающе замахнулись мечами. На руках, сжимавших клинки, вздулись узлы мышц, приобретенных за долгие годы корабельной службы. Вендийцы не держали на борту рабов, набирая в поход лишь крепких, выносливых мужчин с исключительными боевыми способностями, положившими конец карьере не одного пирата. Но даже опытные воины не могли не содрогнуться при виде огромного, вымазанного в крови чудовища, нависшего над их головами. Только их число придавало им храбрости, и они бросились вперед как один.

Клинки засвистели в ночном воздухе. Но Конан по-кошачьи ловко отпрыгнул назад, приведя атакующих в крайнее замешательство. Он вытянул свои длинные лапы и выхватил из толпы ближайшего моряка. Затем на глазах у изумленных товарищей он вырвал его руку из сустава и вместе с мечом выбросил в море. Лишившийся руки мужчина упал на колени и, сжимая бьющее кровью плечо, завопил, как грешник в аду.

Похолодевшие моряки тем не менее снова бросились вперед, стараясь зажать Конана в тесном носу корабля. С кормы к ним спешила подмога.

Вцепившись в лодыжку распростертого гребца, Конан

поднял несчастного над головой, подставляя под удары занесенных мечей.

Живой щит принял на себя смертоносный шторм. Его товарищи остановили свои клинки слишком поздно и теперь любовались проделанной работой.

Воспользовавшись замешательством, Конан швырнул мертвое тело в толпу, сватав на пол сразу двоих и выбивая мечи из рук еще нескольких. Не давая гребцам опомниться, он бросился на них, словно коршун, разрывая на части и пожирая окровавленные куски.

На этот раз вендийцы оправались от шока быстрее и устремились на обезьяну в новой отчаянной атаке.

В это время люк капитанского кубрика с грохотом отворился, и оттуда выпрыгнули еще три человека. Конан наверняка узнал бы в них Джатила, Чадима и Кхерета, но для обезьяны они оставались таким же ходячим мясом. Кхерет что-то взволнованно кричал своим людям, но Конан слышал лишь забавное журчание звуков, столь же бессмысленное, как шелест листвы или щебет птиц.

Безоружный моряк попытался поднять свой меч... но Конан разорвал его прежде, чем бедняга успел дотянуться до рукоятки. Другой все-таки изловчился и ткнул варвара клинком... однако тут же был раздавлен в звериных объятиях. Конан вырвал ему обе руки и также выбросил в море.

Передний ряд атакующих выступил вперед, зажимая варвара в тесном углу. Подбадриваемые выкриками Кхерета,

гребцы проглотили свой страх и стремительно бросились на Конана. Однако свирепая обезьяна вновь мастерски воспользовалась трупами моряков, применяя их на этот раз в качестве метательных снарядов.

Не имея ни малейшей возможности укрыться от кошмарного града, гребцы падали под телами своих мертвых товарищей. И только Чадим, укрывшись за высокой кормой, искусно швырял в варвара свои ножи. С каждым броском он загонял под шкуру чудовища три дюйма закаленной стали, но обезьяна, похоже, не обращала на это никакого внимания. Стигийские ножи беспокоили ее не больше, чем укусы шмеля, а толстая кожа и небывалого размера мышцы не позволяли клинкам проникнуть в глубь тела и повредить жизненно важные органы.

Несколько моряков поскользнулись в склизкой луже крови и тут же были схвачены волосатыми руками. Конан выпотрошил их внутренности и выбросил за борт. Жалкие остатки команды предприняли последнюю отчаянную атаку: они окружили Конана со всех сторон и налетели на него всем скопом.

Дерзость людей привела обезьяну в настоящую ярость! Не замечая ударов, сыпавшихся со всех сторон, она крутилась волчком, сметая и разрывая все, что попадалось ей под руку. Не выдержав беспрестанного шторма когтей и клыков, матросы дрогнули и бросились наутек. Оружий на корме Кхерет тщетно пытался вернуть их в бой.

ГЛАВА 5

ПЕТАЯ НЕБЕКИ

Несколько оставшихся в живых членов команды обрушили свои ятаганы на толстые канаты, что крепили единственный имевшийся на борту спасательный вельбот. Проворно спустив шлюпку на воду, они попрыгали в нее и как одержимые принялись грести к берегу.

Изысканно выражаясь, Кхерет проводил беглецов красноречивым взглядом и мигом нырнул в кубрик. Чадим и Джа-тил не раздумывая шмыгнули следом, едва успев захлопнуть крышку люка перед самым носом чудовища.

Эта дверь была куда прочнее, чем та, в трюме. Ибо изготавливалась с расчетом на то, чтобы уберечь ценный груз и офицерский состав невредимыми в случае, если судно подвергнется нападению пиратов.

Работая с необычайным проворством, которое могла породить лишь отчаянная паника, троица полностью забаррикадировала вход в каютку, используя для этой цели все подручные предметы, какие только можно было найти в тесном кубрике. Они составили пирамидой бочки, сделали из запасных весел импровизированные подпорки и для полной уверенности загнали в задвижку несколько здоровенных гвоздей. Вендийская привычка держать все необходимые ин-

струменты в каюте в очередной раз себя оправдала, хотя даже самый предусмотрительный капитан вряд ли мог ожидать на своем борту столь демонического явления.

Рева, словно раненый буйвол, Конан яростно колотил увесистыми кулаками по крышке люка, пока дерево в стальной раме не задрожало. К счастью притаившихся внутри людей, люк был сработан на славу. Крышка сидела под хитроумным углом, а ее размер и дизайн не позволяли Конану приложиться плечом, как он это успешно проделал в трюме.

Тяжело дыша, варвар оставил тщетные попытки сломать преграду и, жадно облизываясь, направился к горе трупов, что возвышалась на носу корабля. Тошнотворный запах, довлевший над палубой, казалось, только возбуждал его звериный аппетит. Луна спустилась чуть ниже к воде, словно желая стать свидетельницей этого зловещего пиршества.

Помогая себе обеими руками, Конан торопливо пихал теплые куски мяса в глотку до тех пор, пока его живот уже не мог вместить больше. Насытившись, варвар пошатываясь пошел к мачте, тяжело ступая по дощатой палубе. Он прислонился к дереву спиной и, извергая отрыжку, уставился на бледное светило. Оно отражалось в море и, казалось, выглядывало из-под воды.

Холодное пламя ослабло. Конан облизал липкие губы и глубоко вздохнул, сползая по мачте до тех пор, пока его мускулистые ягодицы не коснулись пола. Когда последний лучик луны исчез в океане, его свинцовые веки сомкнулись.

Безумный порыв ненависти унялся, словно потушенный рекой крови. Тяжелая голова начала безвольно клониться, до тех пор пока подбородок не уперся в грудь. В следующий миг он уже погрузился в глубокий сон.

Тем временем в тесном офицерском кубрике Кхерет нервно расхаживал взад и вперед. Чадим в очередной раз протер рукавом мокрый от пота лоб. Внутри царила невыносимая духота.

– Какая из семи преисподен послала на нас этого демона?! Клянусь Лшурой, мне никогда не доводилось видеть чудовища, столь кроважадного.

Кхерет проигнорировал замечания кормчего, отрывая от пола задумчивый взгляд только для того, чтобы еще раз убедиться в крепости их цитадели. Он так и не проронил ни слова с тех пор, как сокрушительные удары сверху прекратились.

Вздохнув, Джатил протер потную шею и поскреб свою маленькую выщипанную бородку, местами тронутую сединой.

– Да, – кивнул он кормчему, – это сущий дьявол, причем худший из всех, когда-либо порожденных адом. Ты был прав, Чадим, нам не следовало выбирать этот курс. Нисколько не сомневаюсь, что именно Небека направила на нас это исчадие.

– Да заткнитесь же, наконец, вы, старые идиоты! – не выдержал Кхерет. – Приходилось ли вам, городским неженкам, хоть раз в жизни повстречать в лесу хищную зембабвийскую

обезьяну? А я видел тварь собственными глазами, правда, не столь громадную. И вот что я вам скажу – вся эта дьявольщина как-то связана с Конаном. Я должен был перерезать киммерийцу глотку, когда у меня имелась такая возможность.

Глаза Чадима вспыхнули суеверной непримиримостью.

– Напрасно ты недооцениваешь Небеку, мой капитан! Когда ее в последний раз видели за охотой, мой дед был еще юношей. Старики говорили, что она пробуждается раз в три поколения и рыщет в поисках легкомысленных кораблей. Она способна принимать любые обличия, и не исключено, что волосатый монстр – очередное ее воплощение.

– А полнолуние! – живо подхватил Джатил. – Оно означает наступление месяца рыб, что приходится как раз на середину года Змея. Звезда Яма была этой ночью в созвездии Абхарима и...

Кхерет не дал ему договорить, раздраженно закатывая глаза к потолку:

– Только полнейшие идиоты позволяют звездам управлять их судьбой. Я не знаю, каким образом, но только киммерийцу в очередной раз удалось разгромить всю команду и похитить судно. Во имя Сэта, я бы воистину пожелал, чтобы ваша Небека была реальной, если бы она могла раз и навсегда уничтожить варвара. Нисколько не сомневаюсь, что он стоит сейчас наверху и посмеивается над нами, направляя «Мистрисс» в какую-нибудь пиратскую бухту.

Капитан замолчал, и все трое погрузились в мрачную ти-

шину, уныло разглядывая стены самодельного каземата.

Вдруг бровь Кхерета удивленно поползла вверх, а Чадим чуть наклонил голову, напряженно вслушиваясь в отдаленный шум.

Джатил, восседавший на высокой бочке, затаив дыхание, приложил ухо к люку и...

– Вам!

«Мистрисс» чудовищно накренилась, будто подхваченная гигантской рукой.

Джатил беспомощно замахал руками, словно пытаясь ухватиться за воздух. Не удержав равновесия, он полетел на пол, смешно уворачиваясь от падающих бочек, которые готовы были прихлопнуть его в любую минуту.

Кхерет, перевернуть которого было не так-то просто, прочно стоял на ногах, изумленно наблюдая за тем, как судно дрожит и кренится, словно протараненное туранской военной галерой. Смуглое лицо стигийца побледнело. – Небека! – едва слышно прошептал Чадим с выпученными от страха глазами. Он бросился на пол и, обхватив голову руками, жалобно заскулил.

Мощный толчок вывел киммерийца из глубокого забытья. Лениво поднявшись на ноги, он потянулся, пытаясь стряхнуть с себя необычную сонливость. Конан смутно почувствовал, что что-то не так: никогда еще его пробуждение не было столь тяжелым. Даже первые лучи восходящего солнца были бессильны рассеять его сон.

Варвар прислонился к мачте и огляделся вокруг. И надо сказать, картина, представшая его взору, подействовала отрезвляюще. Он изумленно уставился на лужу крови, черневшую посреди палубы, и на гору трупов, возвышавшуюся на носу корабля. С трудом сдерживая приступ тошноты, Конан поспешно отвернулся, гадая, какой дьявол мог здесь так похозяничать. Несмотря на туман в голове, в теле чувствовалась приятная бодрость, которой не было уже много дней.

Но как же ему все-таки удалось освободиться от веревок и выбраться из трюма?

Конан рассеянно приложил руку к виску, да так и обмер от удивления! Куда девались его страшные шрамы? Пальцы нащупывали абсолютно чистую кожу, как будто никаких порезов не было вовсе. Неожиданно страшное подозрение закралось ему в душу – ни дать ни взять, он снова вляпался во что-то сверхъестественное. На какой-то миг он даже усомнился в реальности своих ощущений, но, ущипнув себя за руку, убедился, что все происходившее с ним не было сном.

В конце концов варвар успокоился и принял чудо с искренней радостью. Как бы то ни было, теперь он здоров и свободен. И за это следовало бы поблагодарить любую магию – черную или белую. Глубокая рана на голени бесследно исчезла, не оставив даже розоватого шрама.

Единственными на его теле метками, напоминавшими о его недавнем заключении, были едва заметные полосы, украсившие его ноги и грудь в клетку.

– Кром! – с недоверием прошептал киммериец. Ведомо ли такое чудо?

Он тщетно терзал свою память, гадая, что же с ним все-таки произошло. Он вспомнил, как размышлял о какой-то мистической Небеке и ее загадочной петле, как потом задремал, не в силах бороться с навалившимся сном, и...

Воспоминания стали возвращаться к нему с удивительной быстротой. Кошмарные сцены замелькали перед глазами с чудовищной ясностью. Это фантастическое превращение и все, что за ним последовало... Конана чуть не вытошнило от одного лишь воспоминания о вчерашнем ужине.

Самые невероятные мысли промелькнули в его голове, но варвар вовремя взял себя в руки. Как бы то ни было, сейчас не время было искать разгадки... ибо «Мистрисс» начала угрожающе крениться. Ветер по-прежнему гнал ее вперед по непредсказуемой извилистой траектории.

Поначалу Конан решил, что сокрушительной силы толчок был результатом столкновения корабля с подводным рифом. Но вскоре он заметил за кормой на удивление странный водоворот, что неотступно преследовал «Мистрисс», явно пытаясь засосать в свое жерло. Невиданных размеров воронка не имела ничего общего с теми, что ему доводилось видеть прежде. Холодок пробежал по коже варвара, несмотря на духоту, которая в этих краях всегда предшествовала обильному тропическому ливню.

Застыв от изумления, Конан наблюдал за тем, как вода

бурлила и пенилась, выпуская облако густого полупрозрачного пара. Подхваченная водоворотом «Мистрисс» медленно закружилась по его все расширяющемуся периметру.

Внезапно, без малейшего предупредительного всплеска, в центре воронки появилась голова чудовищного левиафана. Его необъятное бугристое тело грязно-зеленого цвета стало настоящим плавучим домом для сотни семейств моллюсков и тысячи видов водорослей. Непропорционально огромный череп был в точности змеиным, за исключением, правда, ряда пульсирующих на шее жабер да пары глаз, каждый из которых был размером с Конанову голову. Эти зловещие желтые шары в розовой сетке кровеносных сосудов таранились из уродливого черепа, словно назревшие нарывы. Хвоста видно не было. Несомненно, он лежал где-то глубоко под водой.

Широко разинув клыкастую пасть, способную зараз проглотить троих взрослых мужчин, чудовище жадно устремилось к «Мистрисс».

Конан так и застыл, прикованный невыразимой древней злобой, что сквозила из холодных немигающих глаз. Впечатление было такое, будто чрево ада разверзлось, исторгая своего самого жуткого гада.

Пока мокрая морда стремительно приближалась к галере, Конан заметил раздробленные куски киля, нанизанные на острые клыки рептилии. Теперь варвару было понятно, почему «Мистрисс» бросало из стороны в сторону: змеюга про-

кусила толстенный слой дерева, отодрав ото дна приличный кусок, вполне достаточный, чтобы полностью потопить судно.

Мощная струя пара вырвалась из зияющей глотки, шпаря кожу и обжигая глаза.

Конан непроизвольно прикрыл лицо рукой, избавляясь тем самым от парализующего взгляда выпученных глаз.

Киммериец проворно отпрыгнул назад, едва не зацепив пяткой слюнявую морду. Острые, как рапира, клыки промахнулись на какие-то несколько дюймов, сомкнувшись вместо этого на широком основании мачты. Толстая балка переломилась, точно прутик, и с грохотом обрушилась на палубу, уперевшись в борт корабля.

Демонстрируя искусство настоящего акробата, Конан отчаянно уворачивался от падающей мачты и от пышущей жаром морды.

Конан на бегу подхватил тесак, самый широкий из тех, что валялись на палубе, вырвав его из руки мертвого гребца. Широко расставив ноги на ходуном ходившей палубе, он стал ждать новой атаки чудовища. Ему не раз приходилось сражаться с вырожденками Сэта, и поэтому он знал: хорошо спланированный удар мог легко пронзить уязвимую глотку змея, проникая до самого мозга. Он должен был засадить лезвие как можно глубже, чтобы уже с первой попытки поразить чудовище, прежде чем водоворот проглотит обреченный корабль, засосав в свою бурлящую бездну.

Воздух вокруг сделался невыносимо горячим, пар становился плотнее и наполнял ноздри сернистой вонью. Потерявшее всякий контроль судно судорожно металось, жалобно поскрипывая от титанических ударов моря.

Неуклюже мотая головой, животное бросилось на Конана, который с вызывающей непоколебимостью стоял на залитой кровью палубе. Снова змеиные клыки сверкнули на солнце, точно выточенные из слоновой кости кинжалы.

Однако варвар только того и ждал. Прыгнув вперед, навстречу разинутой пасти, он глубоко зарыл меч в мягкое розовое небо. Обжигающее облако пара обдало его с ног до головы, прежде чем он выпустил рукоятку, чудом избегая смертоносных клыков. Могучие челюсти щелкнули у самого уха, отхватив прядь черных как смоль волос.

Подхватив новое оружие, киммериец кое-как вскарабкался на ноги. Он тут же обернулся назад, чтобы оценить результат атаки. Конан смутно подозревал, что одного удара будет вряд ли достаточно. Никогда ему еще не приходилось противостоять столь огромной твари!

Голова левиафана недовольно отпрянула и удалилась к центру воронки. Конан едва мог различить на его губе прыщик, который на самом деле был черенком трехфутового клинка, прочно застрявшего в необъятной глотке.

Тем временем «Мистрис» продолжала вращаться и тонуть. Вода поднялась уже до критической отметки. Удрученный неудачей, варвар отчетливо понимал, что время работа-

ло не на него. Через две-три минуты он должен был броситься в море и плыть как одержимый, пока чертов водоворот не засосал его на самое дно.

Конан отшвырнул бесполезное оружие, так как новый план пришел ему в голову. Расположившись на байке посреди корабля, он стал ждать новой атаки змея.

И надо сказать, ждать пришлось недолго, ибо в следующую минуту голова бросилась вперед. Степенно покачиваясь на пупырчатой шее, она, казалось, была исполнена единственного желания – сожрать крошечного, но дерзкого киммерийца.

Согнув ноги в коленях и уперев могучие руки в отполированное годами дерево мачты, Конан силился поднять импровизированное копье, направляя его прямо в саблезубую глотку. Вес балки трижды превосходил его собственный. Варвар слышал, как его спина скрипит под непосильной ношей. Основание мачты раскололось, образуя острый зазубренный конец. Конан приподнял его над головой и стал перебирать по дереву руками, одновременно разгибая колени.

Мрачный змеиный разум, казалось, распознал тонкий замысел противника. Тварь оттянула голову назад, пытаясь в то же время остановить инертное тело. Однако «Мистрисс» также не стояла на месте, как, впрочем, Конан и предполагал.

– Подавись же, во имя Крома! – проревел он, швыряя балку на бородавчатый череп. Узловатые мышцы вздулись на его предплечьях, чуть не лопааясь от напряжения. В следую-

щий миг вертявая башка рептилии со всего размаху врезалась в мачту. Острый конец приземлился чуть выше рта, обрушившись вместо этого на гнойно-желтый глаз. С тошнотворным звуком гигантский шар лопнул, взрываясь фонтаном желтой вонючей слизи.

Движимое инерцией копьё пропахало мягкий змеиный мозг и вышло из затылка наружу. Густая едкая жижа слезой потекла из мертвой глазницы, распространя столь невыносимое зловоние, что от него глаза киммерийца сделались влажными. Студенистое яблоко медленно сползло по балке и с мокрым мерзостным звуком шлепнулось на палубу. Испустив последний стон, пронзенная тварь также заскользила под собственной тяжестью и уперлась в нос корабля, забившись в предсмертных судорогах. Гигантская пасть открылась, чтобы в последний раз пыхнуть паром и кровью, прежде чем замертво свалиться к ногам победителя.

Тяжело дыша, Конан отступил назад. Голова кружилась от изнеможения. Пробежав взглядом по всей длине чешуйчатого тела, он заглянул в самый центр воронки. Водоворот уменьшился, однако «Мистрисс» продолжала тонуть, стремительно приближаясь к бездонному жерлу. Конан спрашивал себя: где мог находиться змеиный хвост? Одна лишь торчавшая над водой шея была по крайней мере в три раза длиннее самого судна. Насколько он помнил, все другие представители змеиного рода, извиваясь в смертельных объятьях, колотили своими хвостами почем зря. Этот же водя-

ной монстр так и не высунул своего помела. Возможно, хвост служил ему своеобразным якорем, воткнутому между рифами, а может, и в само океанское дно.

Однако в данный момент его больше волновала совсем другая проблема: покинуть тонущий корабль. В том, что судно обречено, не оставалось никаких сомнений. Единственная имевшаяся на борту шлюпка была уведена, и Конану ничего не оставалось, как наскоро сострять хоть что-нибудь, способное держаться на плаву. Он вытащил из трюма изуродованную дверь, заметив с тревогой, что весь грузовой отсек был уже залит водой. Наспех связав доски мотком смоленной веревки, он получил грубый и весьма далекий от совершенства плот. Оставалось лишь надеяться, что тот не развалится прежде, чем его прибьет к островам или к южному побережью. Конан припрятал остаток веревки и хотел было спустить плот на воду... Эх, раздобыть бы в дорогу хоть каких-то припасов! Отсутствие пресной воды значительно уменьшало его шансы. Даже с маленьким бочонком он продержался бы несколько недель.

Рискуя в любую минуту быть проглоченным бурлящей стихией, Конан бросился к офицерскому кубрику. Там-то наверняка имелся весь необходимый провиант. Если только каюту не залило так же, как трюм!

Приблизившись к люку, Конан тотчас же услышал приглушенную ругань. Удивленный киммериец замер, прильнув ухом к толстому дереву. Изнутри доносились до боли знако-

мые голоса!

— Ну и тряситесь здесь, если хотите подохнуть, как крысы! Сэт позаботится о ваших душах, собаки! — раздавался гневный голос Кхерета.

— Небека сдерет с тебя кожу и пересчитает по косточкам, ты, потаскухин сын! — визгливо возражал Чадим, с трудом выговаривая слова.

Сдержанный тон Джатила решительно пресек тот возможный шквал непристойностей, который Кхерет готов был выпалить в ответ.

— Перестаньте, вы оба! Мы уже по колено в воде и только понапрасну теряем время. Быть может, Небека набила брюхо обезьяньим мясом и не станет возиться с такими ничтожествами, как мы. Уж лучше рискнуть, что бы там ни ждало нас наверху, чем растрачивать последнее дыхание в пустой перебранке.

Смутные воспоминания промелькнули в голове варвара. Он вспомнил, как загнал троицу под палубу, я только сейчас заметил на крышке люка неглубокую вмятину в форме массивного кулака. Конан приложил к ней свой собственный, с дрожью замечая, что кулак Конана-зверя в два раза превосходил человеческий.

Изнутри послышался скрежет и неистовый стук молотка. Оставив всякую надежду раздобыть хоть пинту воды, Конан торопливо осмотрел палубу в поисках подходящего меча. Облюбовав длинный, с широким лезвием клинок, варвар

подхватил оружие и бросился к плоту. Однако в эту самую минуту люк с грохотом отворился, и из пего вывалился разъяренный Кхерет.

И без того смуглое лицо стигийца сделалось черным при виде ненавистного варвара. Он выхватил свой легкий, с тонким лезвием меч, выкованный из лучшей акбитанской стали, и бросился на Конана.

ГЛАВА 6

МЕСТЬ

– Ты! Киммерийская собака! Я... – Он замолчал, с изумлением глядя на мертвое чудовище. Окровавленная змеиная голова развалилась на носу корабля, единственный глаз застыл в жутком немигающем взгляде.

Пока мужчины разглядывали друг друга, тонущий корабль сделал еще один оборот, так что Кхерет стоял теперь как раз между варваром и плотом. Кровь Конана вскипела от ярости.

– Стигийский водяной червь, проведай-ка свою команду! – Прыгнув вперед с ловкостью пантеры, Конан замахнулся мечом, метя в смуглую шею.

Опытный стигиец обрел самообладание как раз вовремя, чтобы отразить выпад. Он увернулся и в свою очередь провел стремительную контратаку, обрушивая клинок на предплечье Конана.

Не замечая серьезной раны, варвар поднял меч для нового сокрушительного удара. Пора было кончать этот стальной перезвон. Не время было испытывать клинки на прочность. Конан прекрасно понимал, что оружие капитана, выкованное из специальной упругой стали, было столь же крепко, сколь легко и изящно. Надо было прикончить стигийца од-

ним точным ударом. Мышцы веревками вздулись на могучих руках, разгоняя тяжелый палаш до умопомрачительной скорости.

Однако Кхерет снова парировал атаку отработанным до совершенства приемом. Искры так и посыпались от скрестившихся со звоном клинков. Грубое лезвие расколосось, оставив в руке варвара короткий тупой обломок.

– Гнилой зуб Крома! – выругался киммериец, отшвыривая прочь бесполезное оружие.

Торжествующий Кхерет грациозно двинулся на безоружного врага, готовясь к последней решающей атаке. Тем временем «Мистрисс» продолжала равнодушно тонуть, содрогаясь частыми болезненными толчками. Ее корма неуклюже клюнула вниз в тот самый момент, когда Кхерет занес клинок над уже читавшим молитвы варваром. Ликующая улыбка сменилась гримасой бессильного гнева, и потерявший равновесие капитан грузно рухнул на палубу. Стигийский меч выскользнул из рук и брякнулся вне пределов досягаемости беспомощно шарящих пальцев. Недавний смех сменился протяжным стоном, когда капитан потрогал вывихнутую ногу. Отчаянно ругаясь, он потянулся к поясу за ножом. Вся схватка заняла не более минуты.

В этот миг из люка выскочил Чадим, вооруженный неизменным кинжалом. Следом выпрыгнул Джатил, размахивая кривым ятаганом и чуть не натыкаясь на своего товарища.

Конан чудом успел выхватить меч из руки мертвого мо-

ряка и выставить навстречу стигийцу, правая рука которого была занесена для броска. Меч разорвал грудь и, скользя между ребер, вышел из лопаток. Кровавое острие угодило прямо в толстую шею Джатила, который буквально налетел на своего товарища. Кормчий мешком рухнул на палубу, придавив под собой захлебнувшегося в собственной крови вендийца.

Конан оглянулся как раз вовремя, чтобы заметить подползавшего к своему мечу Кхерета. Нырнув на палубу, варвар опередил капитана, не успев, однако, уберечь свою руку от удара острого стигийского ножа. Конан поймал сжимавшую кинжал руку и выворачивал до тех пор, пока запястье не хрустнуло. Нож бряцнул о доски. Конан рывком поднял капитана на ноги и что было силы швырнул о рейлинг.

Упрямый стигиец, чудом не потерявший сознание, тем не менее изловчился прихватить чей-то ятаган и снова бросился в атаку.

– Подонок! – прохрипел он, пошатываясь, но умудряясь при этом сохранять грациозность опытного фехтовальщика. – Этим дешевым грубым клинком позволь мне отправить тебя в ад!

С этими словами он бросился на варвара в слепой ярости. Конан отвел стигийский клинок к правому плечу, сжимая эфес обеими руками. Уворачиваясь от яростного выпада капитана, он описал лезвием широкую дугу и со свистом рассек череп Кхерета от макушки до подбородка. Выдернув меч

из разрубленной башки, он кинулся к плоту, торопливо спустил его на воду и не раздумывая прыгнул за борт.

Перерубив швартовую веревку, он схватил весло и принялся лихорадочно грести, пытаясь вырваться из удушливого плена воронки. Хотя водоворот заметно стих сразу после смерти чудовища, вода по-прежнему продолжала бурлить, обдавая варвара густым горячим паром.

Гребя изо всех сил, Конан постепенно отплыл от мертвого корабля на безопасное расстояние. Продолжая работать, он оглянулся через плечо, чтобы последний раз взглянуть на обреченную «Мистрисс». Трюмы, полные воды, безжалостно тянули ее на дно; над поверхностью торчал лишь украшенный рострой нос. Мачта сползла с перевернутой палубы, и змеиный труп сгинул в соленой голубой пучине.

Пот лил с варвара в три ручья. Жара стояла адская. Снизу его шпарила кипящая вода, сверху же сжигало безжалостное тропическое солнце. Конан понимал, что пекло скоро выжмет из него последнюю влагу, но поделать с этим ничего не мог. Отплыв от воронки на приличное расстояние, он отложил весло, чтобы немного передохнуть. Конан чувствовал себя уставшим, однако учатившийся пульс и бешеный стук сердца вряд ли могли быть следствием обычного изнеможения.

Вообще-то варвара мало беспокоило отсутствие воды и пищи. На своем веку он пересек пешком не одну пустыню, мучаясь изо дня в день от жажды и голода.

Пока плот медленно дрейфовал, подхваченный каким-то течением, Конан размышлял над тем, как южное море походило на восточные пустыни. Бесплодные пустоземы подчинялись тому же самому господину. С высокого трона злоеущее солнце, словно король, правило этими бескрайними просторами, требуя дань потом с любого, кто осмеливался вторгнуться в его владения. Пожалуй, даже грозные правители Стигии и Турана были более милосердными, чем это раскаленное добела светило.

Но предстоящие испытания волновали Конана меньше всего. Его недавнее превращение – единственное, что не давало ему покоя! Приход луны теперь был страшнее палящего солнца. Подействует ли проклятие снова? Эти мысли вгоняли в дрожь даже бывалого киммерийца. Честно говоря, он не испытывал сколь-либо заметной жалости к его вчерашним жертвам. Чего он сейчас больше всего боялся, так это снова потерять над собой контроль – утратить свою личность. Вчера на корабле Конан из Киммерии перестал существовать, все, что от него осталось, – это безобразное плотоядное чудовище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.